

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 1 (13), 2018

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2018

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 1 (13), 2018

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 1 (13), 2018

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Kavaleuskaya I.I.*
TRANSLATION AS PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: MAIN MODELS..... 8
- Kur-Kononowicz Jolanta*
BIRCH TREE AS THE SYMBOL OF FEELINGS IN THE POETRY OF S.A. YESENIN 13
- Prom N.A.*
SYNTAX AS A MEANS OF PRAGMATIC IMPACT OF MEDIA DISCOURSE..... 20

Literary Studies

- Akelkina Ye.A.*
THE PROBLEM OF STUDYING PHILOSOPHICAL
PROSE AND CREATIVITY OF F.M. DOSTOEVSKY 23

Literature of Peoples of the Russian Federation

- Agerzhanokova S.R.*
THE TRUTH OF LIFE. THE TRUTH OF HISTORY..... 27

Folklore Studies

- Satanar M.T., Illarionov V.V.*
THE MYTHOLOGICAL WORLD OF SAKHA
FROM THE PERSPECTIVE OF THE HISTORICISM PRINCIPLE 29

Linguistics

- Bosak V.N., Bosak A.A.,*
SUBDIALECTS OF VERKHNYAE NADYASELDZE 34
- Gorpennikova Yu.G.*
NATIONAL PECULIARITIES OF THE GERMAN BUSINESS WRITTEN E-MAIL COMMUNICATION 37
- Isina G.I., Trunova A.V.*
METAPHOR AS AN OBJECT OF STUDY OF COGNITIVE LINGUISTICS 41
- Petrenko D.A., Soloveva K.K.*
LANGUAGE NORM AND CURRENT STATE OF SOCIOLECT "KANZLEISPRACHE" 44
- Rakhmatullozoda S.*
THE CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE NAME OF TYPES OF FLAT CAKES
(BREAD) IN THE SOUTHERN AND SOUTHEAST DIALECTS OF TAJIK LANGUAGE..... 47

Slavic Languages

- Iliev I.G.*
ON THE QUESTION OF COLLECTIVE FAMILY NAMES IN BULGARIAN..... 51

Germanic Languages

Qasymova Y.I.
NETRALIZATION AND CONCEPT OF ARCHIPHONEME 56

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

Lyzlov A.I.
ON THE CONCEPT OF LIE IN PHRASEOLOGICAL
UNITS OF RUSSIAN AND ENGLISH "A LIE FOR THE GOOD"
AND "A WHITE LIE" IN REFLECTION OF LITERATURE 59

Applied and Computational Linguistics

Chantov V.P.
ENGLISH FOR IT SPECIALISTS – A HANDBOOK FOR IT STUDENTS 63

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Ковалевская И.И.*
ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ 8
- Кур-Кононович Иоланта*
БЕРЕЗА КАК СИМВОЛ ЧУВСТВ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА 13
- Пром Н.А.*
СИНТАКСИС КАК СРЕДСТВО ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕДИАДИСКУРСА 20

Литературоведение

- Акелькина Е.А.*
ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ И ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 23

Литература народов Российской Федерации

- Агержанова С.Р.*
ПРАВДА ЖИЗНИ. ПРАВДА ИСТОРИИ 27

Фольклористика

- Сатанар М.Т., Илларионов В.В.*
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МИР САХА В РАКУРСЕ ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА 29

Языкознание

- Босак В.Н., Босак А.А.*
ГОВОРЫ ВЕРХНЕГО НАДЪЯСЕЛЬДЬЯ 34
- Горпенникова Ю.Г.*
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ Е-МАЙЛ-КОММУНИКАЦИИ 37
- Исина Г.И., Трунова А.В.*
МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ 41
- Петренко Д.А., Соловьева К.К.*
ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИОЛЕКТА «KANZLEISPRACHE» 44
- Рахматуллозода С.*
КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЯ ВИДОВ ЛЕПЕШЕК (НОН)
В ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА 47

Славянские языки

- Илиев И.Г.*
К ВОПРОСУ О СОБИРАТЕЛЬНЫХ РОДОВЫХ ИМЕНАХ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ 51

Германские языки

Гасимова Е.И.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И ПОНЯТИЕ АРХИФОНЕМЫ..... 56

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Лызлов А.И.

О КОНЦЕПТЕ ЛОЖЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

«ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ» – «A WHITE LIE» В ОТРАЖЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ..... 59

Прикладная и математическая лингвистика

Чантов В.П.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ

В СФЕРЕ ИТ – РУКОВОДСТВО ДЛЯ ИТ-СТУДЕНТОВ..... 63

УДК 811.111'25

ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ

И.И. Ковалевская, кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации
Белорусский государственный экономический университет (Минск), Беларусь

***Аннотация.** В статье рассматриваются положения современных переводческих концепций с целью выявления наиболее соответствующей переводу как процессу межкультурной коммуникации. Раскрывается суть функционально-прагматической, деятельностной и когнитологической теорий, требующих соответствия коммуникативной ситуации в обеих фазах переводческого процесса и приближения когнитивной структуры оригинала к концептосфере текста перевода. Допускается возможность решения обеих задач посредством диалогического подхода, предполагающего акцент на собственно интерактивном моменте общения участников перевода и интегрирующего положения коммуникативных и когнитологических теорий перевода.*

***Ключевые слова:** межкультурная коммуникация; адекватность, функционально-прагматическая, деятельностная, когнитологическая, диалогическая модель перевода.*

На фоне глобализации, свидетельствующей о формировании культурной целостности мира, в центре внимания современной лингвистики и других научных сфер (культурологии, психологии, социологии) находится проблема межкультурной коммуникации (далее МК). Следуя известной дефиниции, предложенной М. Лустигом и Дж. Козстером, МК характеризуется как символический, интерпретативный, взаимный, контекстуальный процесс, в котором степень различий между людьми настолько велика, что должны использоваться компетентные модели поведения для конструирования общих значений [10, с.51]. С точки зрения необходимости эффективных взаимоотношений между культурами и взаимопонимания между их носителями закономерен активный интерес к вопросам адекватного перевода как процесса МК.

Адекватность как критерий качества перевода, ориентированный на перевод как процесс, соотносится с аналогами, или контекстуальными соответствиями перевода и оригинала, и переводческими трансформациями, относящимися к уровню речи, и устанавливает соответствия на коммуникативном уровне для целого текста или его композиционного фрагмента.

В целях изучения процессуальной стороны перевода в настоящее время предлагаются различные коммуникативные модели, в русле которых предполагается анализ всех аспектов и определяющих факторов, как собственно языковых, так и внешних по отношению к языку, но прямо или косвенно влияющих на выбор языковых единиц в переводе. В основе предложенных моделей лежит принцип соответствия между воздействием, оказанным на переводчика как на получателя исходного текста (далее ИТ), и его намерением как отправителя по реализации сообщения средствами языка перевода (далее ПЯ).

Описание переводческого процесса на основе той или иной конфигурации языковых и внеязыковых детерминантов перевода предлагает *функционально-прагматическая* (динамическая) модель А. Д. Швейцера, в которой перевод рассматривается как двуязычный коммуникативный акт, характеризующийся системой синтаксических, семантических и прагматических связей. С каждым из языковых уровней соотносятся категории эквивалентности и адекватности, раскрывающие межъязыковой и межкультурный аспекты перевода, направленного на создание текста, заменяющего оригинал в иной языковой и культурной среде.

Процесс принятия переводчиком решения складывается из двух основных этапов: выработки стратегии перевода и определения конкретного языкового воплощения этой стратегии. Решение при определении переводческой стратегии принимается относительно тех аспектов оригинала, которые должны быть отражены в тексте перевода (далее ПТ) в первую очередь, и скрупулезной передачи деталей местного колорита и колорита эпохи либо отказа от этого в пользу глубинного проникновения в историческую специфику ИТ [8].

В русле *коммуникативно-деятельностной* концепции, предложенной Н.Л. Галеевой, перевод рассматривается в деятельностном контексте, т. е. одновременно как речевая и мыслительная (рефлексивная, интеллектуальная) деятельность переводчика, который осваивает и понимает ИТ, распредмечивая смысловую программу автора, являющуюся отправной точкой для дальнейших действий по трансляции понятого получателю ПТ. ИТ при этом сосуществует как взаимодействие сознаний и деятельностей автора и переводчика с образом в сознании переводчика предстоящего результата его деятельности – ПТ, который по мере его формирования переводчиком и присвоения получателем становится взаимодействием сознаний и деятельностей переводчика и получателя. Таким образом, при переводе осуществляется коммуникативная «стыковка» ИТ и образа ПТ и опосредованная координация как минимум трех сопряженных сознаний и трех деятельностей: текстопорождающей (отправителя ИТ), рецептивно-порождающей (переводчика) и рецептивной (получателя ПТ) [2, с. 18–19].

Осознание того, что для эффективного межкультурного взаимодействия требуется знание целого комплекса форм поведения, истории, психологии, культуры своих партнеров по общению, механизма самого процесса общения подготовило почву для изучения переводческого процесса с позиций когнитивного подхода. По мнению современных когнитологов, данный подход позволяет «учесть роль различных факторов интеллектуально-психической деятельности переводчика (в том числе и субъективных) в порождении, восприятии и интерпретации (т.е. переводе) текста» [7, с. 172]. С позиций когнитологической концепции перевод рассматривается как «разновидность культурной практики, на результат которой участники коммуникации возлагают когнитивные и нормативные ожидания, где норма означает определенный тип поведения (в первую очередь коммуникативного) в определенной ситуации». Предполагается, что изучение этих ожиданий позволит найти решение проблемы проникновения в тайну процесса перевода, в работу «черного ящика», моделирующего окружающий мир в сознании отдельного человека – носителя определенной культуры, принимающего и передающего «чужие» модели [6, с. 133-134].

Переводчик, выступая в процессе МК транслятором концептосферы ИТ, должен соотносить категориальный аппарат культуры ИЯ с категориальным аппаратом культуры ПЯ через призму собственной когнитивной системы. Признание особой важности когнитивных элементов предполагает анализ и моделирование когнитивной схемы автора ИТ и воссоздание ее в ПТ путем вовлечения во взаимодействие когнитивных уровней всех трех участников МК. Такой процесс описывается в терминах концептуализации, которая понимается как процесс образования новых и активирование уже существующих в сознании ментальных структур [9, р.30]. В результате концептуализации формируется индивидуальное культурно-когнитивное пространство индивида.

Способность к концептуализации лежит в основе деятельности переводчика, культурно-когнитивное пространство которого в идеале должно включать в себя феномены как минимум двух когнитивных баз, одна из которых является для него родной, другая – чужой. Для успешной трансляции культурно-специфических смыслов этого общего пространства требуется структурировать информацию, поступающую по вербальным и невербальным каналам коммуникации, в соответствии со способами концептуализации знаний не только в родной, но и в изучаемой лингвокультуре. В этой связи предполагается нейтрализация переводчиком противопоставлений ментальных миров в целом (свой мир – чужой мир), отдельных концептов и ментальных структур и, следовательно, согласование этих структур, введение в свой мир чужих концептов или «переход» в чужой мир своих концептов. При этом способ структурирования и семантического наполнения информативного содержания ПТ должен соответствовать предпочитаемому в реципиентной культуре подходу к презентации информации в тексте и выбору языковых способов достижения его коммуникативного эффекта.

Такая «когнитивная перестройка» выступает обязательным условием приближения к содержанию когнитивной структуры представителя иносоциума и предполагает решение следующих задач:

- формирование новых представлений о концептах, отсутствующих в сознании адресата (часто социокультурных);

- «надстраивание» новых характеристик и комбинаторных свойств, не имеющих в сознании реципиентов, и концептов (часто процедурных или структурно-организационных: структура письма, презентации, переговоров);
- коррекцию имеющихся искаженных представлений (как правило, поведенческих) [1, с. 69-70].

Для переводчика, которому приходится иметь дело не только с вербальными формами, но и стоящими за ними концептами, решение выделенных задач является актуальным, интересным и сложным.

Признавая познавательную ценность рассмотренных выше коммуникативных и когнитологической теорий, которая заключается в исследовании перевода не только как языкового явления, но и как процесса, обусловливаемого культурологическими факторами, отметим тесное пересечение их базовых категорий. Объединяющей два подхода и в значительной степени расширяющей их границы является *диалогическая* модель перевода, которая базируется на теории диалогичности гуманитарного знания М. М. Бахтина. В рамках данной концепции перевод интерпретируется как целенаправленная лингвопсихоментальная преобразующая деятельность личности переводчика, погруженная во множественные диалогические отношения в виду постоянного соотношения им собственного интерпретационного процесса ИТ с программированием интерпретации адресатом ПТ [5, с. 79]. Прослеживая динамику этих отношений в процессе перевода, можно увидеть, как переводчик создает зоны диалогического контакта и таким образом выявить его диалогическую стратегию, которая лежит в основе переводческой деятельности.

Процесс перевода, включающий такие процедуры, как переводческая интерпретация ИТ и лингвокреативное порождение на основе данной интерпретации ПТ, носит преобразующий характер и описывается как «интерпретативное дискурсопорождение» [4, с.246]. Использование в научном обиходе такого определения переводческого процесса не случайно, поскольку оно позволяет перенести акценты с языка как системы и ПТ как единицы языка на ПТ как дискурс.

Понимание сущности перевода как разновидности интерпретативно-порождающего дискурса позволяет анализировать перевод как процесс поиска возможных ответов на волнующие переводчика вопросы, как процесс смыслопорождения, в который вовлекаются автор, сам переводчик и адресат. Все они манифестированы сферами индивидуальных сознаний, которые включают ментальные лексиконы, сопряженные с невербальным когнитивным пространством, а также иные, отличные от мышления смыслопорождающие психические функции (ощущения, чувствования, интуицию и пр.), коррелирующие со сферами бессознательного [6, с. 42].

Каждый из участников межкультурной коммуникации по-своему понимает смысл воспринимаемого текста. Диалог, который переводчик организует для достижения оптимальной сбалансированности интерпретаций автором ИТ и адресатом ПТ, происходит в пределах общего смыслового поля как основы для понимания. Данный коммуникативный универсум иначе описывается в терминах интересубъективного пространства, имеющего подвижный характер, поскольку переводчику, который соотносит исходный смысл с контекстом, определяющим не только личные, социальные, но и национально-культурные особенности межъязыкового общения, приходится постоянно его корректировать в первой и во второй фазах – интерпретации ИТ и порождения на основе данной интерпретации ПТ.

В пределах интересубъективного пространства переводческого дискурса наиболее фундаментальным разделением в функционировании языка является принцип маркированности, который лежит в основе анализа межкультурного взаимодействия. Данный принцип предполагает выявление в ПТ дискурсивных маркеров, обозначающих зону контакта участников переводческого процесса и выполняющих функцию средств диалогизации. Оптимальное сочетание этих маркеров в ПТ, который представляет собой не готовый ответ, а результат его поиска, осуществляемого в контексте диалогических отношений, определяет эффективность взаимодействия коммуникантов. Например, при передаче на английский язык фразы из русского делового письма переводчик добавляет эмоционально-экспрессивную лексику “kindly”, создающую впечатление личностного субъективного отношения автора ИТ к сообщаемой им информации, и личное местоимение “you”, которое используется с целью демонстрации уважительного отношения к адресату, ср.: рус. «Мы просим представить ваш заказ письмом ...» – англ. “We kindly ask you to introduce your orders either by letter ...” Добавление выделенных языковых средств, которые считаются явно специфической культурной чертой английского делового письма, обуславливается стремлением поддерживать отношения в позитивной тональности с точки зрения вежливости. В русскоязычных деловых письмах такие средства не столь часто и широко

используются, поскольку в силу русской национально-культурной традиции деловое общение должно быть подчеркнуто безэмоциональным и неэкспрессивным.

Следует отметить, что в процессе перевода важен не только непосредственный контекст, в котором происходит диалог, но и предыдущий, и последующий. Эти два аспекта (ретроспективный и проспективный) необходимо учитывать, поскольку они раскрывают причины, детерминирующие действия переводчика, с одной стороны, и границы, основу и «возможности» этих действий, с другой. В этом смысле ПТ можно считать диалогически открытым, т. е. связанным с другими текстами диалогическими отношениями. В филологической литературе данное свойство текста описывается как *интертекстуальность* (термин Ю. Кристевой) и анализируется как категория, которая реализуется в тексте языковыми средствами. Правда, в современных разработках имеется в виду чаще не столько уровень текста, сколько уровень дискурса, поскольку речь идет об отношениях между текстами, возникающими при оперировании общими правилами и стратегиями текстообразования, обусловленными использованием общих норм человеческой деятельности и общения. В этой связи все более активно используется понятие *интердискурсивности*, которое интерпретируется как взаимодействие, взаимопроникновение дискурсов. Интердискурсивность как связь между текстами одной и той же дискурсивной формации проявляется в том, что эти тексты так или иначе обращены к одному предмету, теме, концепту, связаны друг с другом семантическими отношениями и/или выступают в общей системе высказываний, объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. Взаимные корреляции между этими текстами обнаруживаются также в использовании одних и тех же речевых действий, направленных на достижение определенного результата.

Понимание переводческого процесса как общего конструирования смыслов существенно меняет взгляд на его сущность и роль переводчика в нем: согласно диалогической концепции, информация не является неизменным объектом обмена, а активно конструируется при переводе, поскольку выбор переводчика определяется общей диалогической стратегией, выступающей как управляющая программа деятельности по переконструированию коммуникативного смысла сообщения. В этой связи в русле диалогической концепции, предполагающей акцент на собственно диалогическом моменте речевого общения, на тех совместных усилиях участников переводческого процесса, которые ведут к общему пониманию и расширению сознания, на диалогической связи тестов, возможно исследование перевода как процесса МК на качественно новом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафурова, Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты). / Т.Н. Астафурова – дис. д-ра пед. наук: 13.00.02, 10.02.19 – М.: 1997. – 324 с.
2. Галеева, Н.Л. Основы деятельностной теории перевода / Н.Л. Галеева – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. – 450 с.
3. Ковалевская, И.И. Диалог как стратегия перевода / И.И. Ковалевская // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. – Серия 1, Филология. – 2013. – №3(64). – С. 40–46.
4. Саркисьянц, В.Р. Проблемы общей теории перевода в аспекте современных направлений языковедческой науки / В.Р. Саркисьянц // Язык. Текст. Дискурс: Науч. альманах – Ставропольск. Отд. РАЛК. – Краснодар. – 2008. – Вып. 6. – С. 246 – 250.
5. Селиванова, Е. А. Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики / Е.А. Селиванова // Культура народов Причерноморья: науч. журнал. – 2003. – №37. – С.79–82.
6. Усачева, А.Н. Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели / А.Н. Усачева // Вестн. Волг. ун-та. – Сер. 2. – Языкозн. – 2011. – № 1(13). – С.131–137.
7. Федюченко, Л.Г. Когнитивный подход в описании уровня сложности текста на перевод / Л.Г. Федюченко // *Lingua mobilis*. – 2010. – №2(21). – С. 170–175.
8. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
9. Langacker, R.W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction* / R.W. Langacker. – Oxford University Press, 2008. – 573 p.
10. Lustig, M.W., Koester, J. *Intercultural Competence: Interpersonal Communication across Cultures* / M. W. Lustig, J. Koester. – N. Y.: Harper Collins, 1998. – 384 p.

Материал поступил в редакцию 20.11.17.

TRANSLATION AS PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: MAIN MODELS

I.I. Kavaleuskaya, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor at the Department of Intercultural Economic Communication,
Belarus State Economic University (Minsk), Belarus

***Abstract.** The paper discusses the modern translation theories aiming to identify the most appropriate for analyzing translation as the process of intercultural communication. It considers the functional-pragmatic, activity and cognitive models of translation suggesting the communicative situation should remain the same during both phases of translation process and the cognitive structure of the source text should be closer to that of the target text. We assume that both tasks can be solved using the dialogical approach to the analysis of translation process focusing on the interactive nature of the communication and integrating the ideas of the communicative and cognitive theories of translation.*

***Keywords:** intercultural communication; adequacy, functional and pragmatic, activity, cognitive, dialogical model of translation.*

УДК 81

БЕРЕЗА КАК СИМВОЛ ЧУВСТВ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА

Иоланта Кур-Кононович, кандидат филологических наук, адъюнкт
Кафедра русской филологии, Жешувский университет, Польша

Аннотация. Содержание статьи представляет собой анализ символики березы в лирическом творчестве С.А. Есенина, в котором особое внимание уделяется новым значениям излюбленного поэтом дерева, отражающихся в сознании русского народа благодаря поэтическим произведениям поэта. Существенное место занимает семантический анализ материала. В статье мы предлагаем новый подход к разработке символа: дополнение семантического анализа описанием метафоры, поскольку она в значительной степени помогает уточнить символику дерева.

Ключевые слова: поэзия, символика, береза, семантика, чувства, восприятие мира, удары судьбы, метафора.

В статье проанализирована роль березы, как символа человеческих чувств в лирике русского поэта С.А. Есенина. Мы рассматриваем положительные чувства, восприятие мира, а также отрицательные чувства, удары судьбы. Лирические стихотворения поэта можно считать зеркальным отражением личности этого незаурядного, интересного человека, глубины его чувств, вдохновением которых была природа [13, с. 18].

В статье мы постараемся ответить на вопрос, символом каких чувств в лирике С. А. Есенина является береза. Материал для анализа отобран из стихотворений поэта [2, 3]. В первую очередь мы объясним основное лексическое значение слова, а потом его этимологию.

В русском языке слово *береза* появилось в XVI-XVII в. и оно считается древнерусским по происхождению. В толковых словарях лексема *береза* определяется как 'лиственное дерево, большей частью с белой корой и сердцевидными листьями' [6 I, с. 395-396]. Некоторые словари уточняют, что кроме белой березы, которую зовут веселкой, известна также черная береза, называемая плакучей¹. Береза в России считалась настолько популярным деревом, что, например, в Петербурге, слово *березка* стало общим названием всякого листового дерева, как *елка* названием хвойного [1 I, с. 83].

Лексема *береза* является относительно древней. Дерево названо по белому цвету коры. Слово *береза* развилось из праславянского *berza < индоевропейского *bherag < *bher 'светлый', с основой **bhe-* (*bhā-*) 'сиять, блестеть' [5, с. 24; 8 I, 154; 9, с. 45].

Фразеологизмы и пословицы фиксируют человеческий опыт и отношение русского народа к березе. Многие века березовые прутья использовались для телесного наказания, о чем напоминают фразеологизмы: *березовая каша* (устар.) 'розги' [4, с. 35, 196], *дать березовой каши* 'наказать розгами' [4, с. 35, 127], *Береза ум(а) дает, Накормить березовой кашей, Дать березовую кашу*². На Руси в крестьянских семьях или в школе за проказы и хулиганство били березовыми ветками.

Свойства дерева зачастую характеризуют очень глупого человека, поскольку у него голова деревянная, пустая, т.е. не очень умная. Отсюда появился грубо-просторечный фразеологизм *пень березовый* [4, с. 312]. Сравнение глупого человека с березовым пнем вносит в понятие семантически отрицательный оттенок. Мотивировка метафоры, вероятно, связана с твердостью березовой древесины.

Интересны еще пословицы: *Услан березки считать* 'сослан в Сибирь', *Береза не угроза – где стоит, там и шумит* [1 I, с. 83], *стройная как березка*. Береза с ранних времен была наделена одновременно положительными и отрицательными чертами. Славяне относились к ней с почтением и воспринимали ее как дерево счастливое, оберегающее от зла и одновременно вредоносное, связанное с нечистой силой и душами умерших [7 I, с. 156].

В народных поверьях и легендах также отражается противоречивое отношение к березе. С одной стороны, береза считалась вместилищем духов³, а с другой стороны, ее называли счастливым деревом⁴. Народ оценивает березу то как благословенное дерево, укрывающее Богородицу и Христа от непогоды, то как проклятое Богом дерево, так как его прутьями хлестали Христа [7 I, с. 157].

Огромную роль играет береза в календарном цикле обрядов⁵. В восточнославянской традиции

обряды с березой связаны прежде всего с Семиком⁶ и Троицей. В западнославянской традиции обычай украшения домов, дворов, улиц ветками берез относится к Зеленым Святкам (ко дню святого Яна, к празднику Тела Господнего). Словенцы верили, что на березах, установленных на Троицу под окнами домов, сидит Святой Дух. Плакучие березы у поляков считались деревьями духов (в них якобы вселялись души умерших девушек, которые по ночам выходили из дерева) [7 I, с. 156]. В языческие времена почитание березы было неотъемлемой частью русалий⁷, а в христианские – празднования Троицы и Семика.

В семейных обрядах береза использовалась реже. У восточных и западных славян в качестве свадебного деревца невесты (ветку березы втыкали в свадебный каравай). В свадебном обряде веник из березы считался оберегом против злых сил. У восточных и южных славян принято было сажать березу на могилах. Славяне верили, что ветки березы, заткнутые под крышу дома, защищают от молнии, грома, града. Восточные славяне были убеждены, что оставленная в поле троичная береза защищает злаки от градобития [7 I, с. 158].

В лечебно-магической практике применялись ветки, листья, почки, кора, сок. Березовыми ветками, освященными в церкви, били больного с целью изгнания болезни или колдовства. Люди ходили к березе для „передачи” ей болезни [7 I, с. 159].

В славянской культуре береза с ранних времен была наделена женской символикой⁸. Она часто противопоставлялась дубу, который наделен мужской символикой [7 I, с. 156].

Излюбленное славянами дерево с давних времен символизировало также и наказание. Березовыми ветками избивали рабов, преступников, крепостных крестьян, учеников и детей⁹ [12, с. 27].

Береза символизирует очищение крови; отсюда хлестанье березовыми вениками в бане (для ускорения кровообращения и очищения крови из вредных для здоровья веществ) [10, с. 35].

Для определения ассоциативного поля березы мы рассмотрим некоторые фрагменты стихотворений С.А. Есенина. Надо подчеркнуть, что символика березы в творчестве А.С. Есенина занимает огромное место, поэтому мы сосредоточились на до сих пор еще не разработанных символах березы¹⁰.

В статье мы приведем примеры новых значений-символов березы из категории: положительные чувства, восприятие мира, отрицательные чувства, удары судьбы. Нами будут отмечены следующие положительные значения (символы) березы:

– восприятие мира (+)¹¹:

1) любопытство, красота, спокойствие;

(1) *Ты пошла коня из горстей в поводу,/ Отражаясь, березы ломались в пруду/* (I 65) (1910)

2*¹² восприятие мира (+): воспоминание, любовь.

Стихотворение принадлежит к первым литературным опытам молодого поэта. Зеркальное отражение берез в пруду символизирует любопытство, красоту, спокойствие. Контекстуальный символ – это воспоминание, любовь к женщине, которая поет песню и поит коня. В народе, именно, песня девушки считается символом любви.

2) спокойствие, тишина (тень березы подчёркивает тишину);

(2) *Вот оно, глупое счастье,/ С белыми окнами в сад!/ По пруду лебедем красным/ Плавает тихо закат./ Здравствуй, златое затишьё./ С тенью берёзы в воде!/* (I 142) (1918)

2* восприятие мира (+): счастье.

Тень березы в воде – символ спокойствия, тишины, счастья. Вода в значительной мере подчёркивает вечернюю сельскую тишину, поскольку отражение березы в водяном зеркале совсем безмолвно как на фотографии. С таким поэтическим образом связан также контекстуальный символ – счастье, радость в сердце, которые вызывает красота природного пейзажа, запечатленного на поверхности спокойной воды.

3) радость, красота родной природы, красота земная на Руси;

(3) *Мы теперь уходим понемногу/ В ту страну, где тишь и благодать./ Может быть, и скоро мне в дорогу/ Бренные пожитки собирать./ Милые березовые чащи!/ Ты, земля! И вы, равнин пески!/ Перед этим сонмом уходящим/ Я не в силах скрыть своей тоски./* (I 203) (1924)

2* чувства (–): тоска, что люди уходят из жизни, умирают.

Лирическое-философское стихотворение было написано С.А. Есениным после смерти поэта Александра Шириязцева. Прилагательное *милые* по отношению к березовым чащам утверждает их положительный характер – радость, связанная с жизнью людей, с ощущением природной красоты, существующей только на земле. Под влиянием печального события, смерти друга, появляется

контекстуальный отрицательный символ – огромная (особенно сразу после смерти) тоска по уходящим из жизни.

В эвкативной (ассоциативной)¹³ метафоре *милые березовые чащи* носитель метафоры (слово в переносном значении) вербализованный (*милые чащи*), а тему подсказывает контекст. Люди оставляют этот мир, умирают, может и лирическое я недолго попрощается с жизнью. Тема приблизительная, неопределенная (тема *березовые чащи* ‘милые люди’).

4) красота в противоположность бедноте – не сытные хлеба, а березы и цвет (неологизм);

(4) *Полюбил я седых журавлей/ С их курлыканьем в тощие дали,/ Потому что в просторах полей/ Они сытных хлебов не видали./ Только видели березь да цветь,/ (I 206) (1924)*

2* чувства (–): несчастье, убожество, нищета.

Поэт вспоминает, что он мог испытывать светлые и радостные чувства в родной деревне каждый день. Перед мысленным его взором возникает дореволюционное село с неторопливо текущей жизнью и родимый дом. Соединение существительных *берез* и *цветь*, как противоположность сытных хлебов подчеркивает положительный символ берёзы, её красоты. В контексте появляется очевидный отрицательный символ, являющийся противоположностью красоте: убожество, нищета, несчастье. Положение крестьян в послереволюционной России не стало лучше, а весьма ухудшилось. Журавли по-прежнему улетают по осени, так как они в просторах полей не видали сытных хлебов. Жизнь в родном селе научила выдающегося лирика, что любить родину, значит видеть ее без прикрас, такой, как она есть в действительности.

Появляется неологизм *цветь* ‘цветы и цвет’, потому что у него более широкое значение (два значения в одном слове). Метафора *сытные хлеба* (тема *хлеба*) толкуется как ‘отсутствует еда, но можно наслаждаться красотой природы’. Это конформативно-эвкативная метафора, поскольку носитель контекстуально неопределенный, а функцией данной метафоры является описание, валоризация, определение ‘предмета’ (здесь: деревенских полей). Контраст *не видали – видели* помогает образно описать красивые, но голодные (бедные) поля.

5) веселье, несмотря на зрелость; конец осени – березовый веселый язык в золотой роще;

(5) *Отговорила роща золотая/ Березовым, веселым языком./ И журавли, печально пролетая,/ Уж не жалеют больше ни о ком./ Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –/ Пройдет, зайдет и вновь покинет дом./... роща золотая/ Отговорила милым языком./ (I 210) (1924)*

2* чувства (–): тоска по прошедшей молодости.

Лирика Есенина разнообразна по тематике и звучанию. Многие стихотворные произведения, как хотя бы это, рассматриваемое нами, переложили на музыку и создали на их основании прекрасные песни. Стихотворение относится к философской лирике, раскрывает вечные вопросы, относящиеся к общечеловеческим проблемам. Его надо отнести к позднему творчеству поэта. Лирический герой, как и березовая роща осенью, в зрелом возрасте размышляет о жизни, о поэзии веселым, милым языком, т.е. хорошо, положительно. Отсюда и возникает символ веселья, несмотря на зрелость, но все-таки веселья. В этом примере прилагательное *березовый* отождествляется с синонимами *веселый, милый*. Контекстуальный символ – тоска по прошедшей молодости, чувствуется и присутствует в стихотворении только, как контраст по отношению к первому, положительному символу.

У эвкативной метафоры *роща золотая* существительное *роща* – это тема, а прилагательное *золотая* – носитель метафоры (цвет напоминает золото). *Отговорила роща золотая/ Березовым, веселым языком/* – двойная метафора, поскольку прилагательное *березовый* ‘веселый’ и глагол *отговорить* ‘уже сказать свое, то что надо было’ имеют метафорические значения. Суть этой метафоры связана с семантикой: ‘все хорошее уже сказано и сегодня оно также кажется приятным (связано с воспоминанием беззаботной молодости)’.

Нами отмечены (кроме немногочисленных вышеуказанных) следующие отрицательные значения (символы) березы:

– чувства (–):

1) отчаяние, горе (пообъедена кора на березке)¹⁴;

(6) *Погодала красна девица в семик./ ... Ах, не выйти в жены девушке весной,/ Запугал ее приметами лесной./ На березке пообъедена кора, –/ Выживают мыши девушку с двора./ (I 68) (1914)*

2* чувства (–): страх.

С.А. Есенин в лирике сочетает православные образы с языческой славянской мифологией. В природный мир легко вписываются и христианские обряды. Устной поэтической культуре не только славян присуще одухотворение природы и уподобление ее человеку. Гадающая о своей свадьбе

красавица бросает венок на волну. У березки пообъедена кора, значит, она больна. Такой поэтический образ является символом отчаяния, горя. Контекстуальный символ – это страх перед плохим будущим, а может, и перед смертью. Такому дереву до смерти уже недалеко. По поверью много мышей в семях предвещает плохой год.

У конформативно-эвокативной метафоры *на березке пообъедена кора* тема – *кора*, носитель – *пообъедена* ‘мышь обгрызла (обглодала)’. Функцией метафоры является описание, валоризация ‘предмета’, т.е. чувства девушки после гадания.

2) душевная пустота (отрок-ветер заголил на березке подол);

(7) *Я сегодня влюблен в этот вечер,/ Близок сердцу желтеющий дол./ Отрок-ветер по самые плечи/ Заголил на березке подол./ И в душе, и в долине прохлады,/ (I 155) (1918)*

2* человек (+): девушка.

Поэт отождествляет себя с природой. Становится неотъемлемой ее частью. Безлистная осенняя береза является символом прохлады, душевной пустоты лирического героя. Возможно, что результат ‘душевного охлаждения’ – это трезвость ума, позволяющая реально отнестись ко всему происходящему. Контекстуальный символ связан с образом девушки-березки, к которой пристаёт отрок-ветер.

Разговорный глагол *заголить* ‘обнажить, отвернув край одежды’ в метафоре *Отрок-ветер по самые плечи/ Заголил на березке подол/* вместе с сочетанием *по самые плечи* получает значение ‘очень высоко и очень много открыт, обнажить’.

– удары судьбы (–):

1) рефлексия, раздумье; смерть, конец жизни России, природы, смерть чувства (любви): берез изглоданные кости на кладбище;

(8) *Мне грустно на тебя смотреть,/ Какая боль, какая жалость!... Так много пройдено дорог,/ Так много сделано ошибок./ Смешная жизнь, смешной разлад/ Так было и так будет после./ Как кладбище, усеян сад/ В берез изглоданные кости./ Вот так же отцветем и мы/ И отишим как гости сада.../ Коль нет цветов среди зымы,/ Так и грустить о них не надо./ (I 199) (1923)¹⁵*

2* восприятие мира (+): примирение с судьбой.

Закат жизни, ее конец – основная тема стихотворения. Символом смерти являются изглоданные кости берез, разбросанные в саду, как на кладбище (умершие березы). Контекстуальный символ – примирение с судьбой, с тем, что придется умереть.

Конформативная метафора *сад как кладбище* опирается на сопоставлении двух слов, причем одно из них в прямом значении (*сад*), а второе – в переносном (*кладбище*). Происходит отождествление темы и носителя на основе общности некоторых сем (пятна снега в саду – кости покойников). Наступает своеобразная проекция могил на кости берез в саду (зимой белые пятна снега напоминают куски березовой коры).

2) разлука с любимой;

(9) *Я помню, любимая, помню/ Сиянье твоих волос./ Не радостно и не легко мне/ Покинуть тебя привелось./ Я помню осенние ночи,/ Березовый шорох теней./ Пусть дни тогда были короче,/ Луна нам светила длинней./ (IV 193) (1925)¹⁶*

2* восприятие мира (+): таинственность.

Березовый шорох теней осенью (в березовой роще) – это выразительный символ разлуки с любимой женщиной. На конец чувства, на разлуку указывает время – осенняя ночь. Контекстуальный символ связан с воспоминанием, таинственностью встреч любовников.

Эвокативная метафора *березовый шорох теней* (осенней ночью): носитель – *шорох*; тема – *теней* (вместо листьев); поле семической общности: *листья – тени*: одни и другие бесшумные, беззвучные.

В статье были рассмотрены значения-символы березы, вмещающиеся в следующие категории: восприятие мира, положительные чувства, удары судьбы, отрицательные чувства. Значения-символы березы в поэтических текстах С.А. Есенина рассматривались в следующих семантических полях:

а) положительные символы:

– восприятие мира: красота, свет, теплота, любовь (к женщине, к малой родине), тишина, спокойствие, радость, безопасность, гостеприимство, любопытство, здоровье, защита, таинственность;

б) отрицательные символы:

- чувства: отчаяние, душевная пустота, печаль, грусть, тоска, несчастье, беда, горе, убожество, страх (например, перед смертью), душевная пустота;
- удары судьбы: разлука с любимой, смерть.

Анализ поэтического материала показывает, что семантика березы пополнилась новыми положительными понятиями (значениями-символами), такими как: спокойствие, тишина, тоска по молодости, а также и отрицательными символами: душевная пустота, разлука с любимой, смерть и т.п. Национальный лингвокультурный образ березы в лирических произведениях С.А. Есенина приобрел дополнительные признаки, стал семантически богаче.

В стихотворениях С.А. Есенина символика березы, её образ меняется в зависимости от настроения лирического я, которое, в свою очередь, связано с периодами творчества поэта. В начальный период творчества С.А. Есенина береза символизирует спокойствие, таинственность, радость, счастье, здоровье, чистую любовь. После Октябрьской революции образ березы меняется, становится более жестоким и суровым. Появляются отрицательные значения-символы дерева, такие как: душевная пустота. В более поздний период творчества поэт смотрит на березу с раздумьем. Лексема *береза* обогащается новыми значениями, содержащими в себе: смерть природы и человека, тоску по прошедшей молодости, примирение с судьбой и т. п.

В ходе анализа материала наблюдается противоречивое отношение поэта к березе. С одной стороны, береза (или березовая роща) ассоциируется со спокойствием, тишиной, счастьем, здоровьем, богатством (духовным), отдыхом, красотой тела и духа; с другой стороны – страхом (например, по поводу плохого гадания), холодом (т.е. пустотой) в природе и на душе.

В лирике С.А. Есенина значительную роль играет контраст как стилистическое средство, позволяющее с подробностями представить образ описываемого в статье дерева. Растение, изображаемое в стихотворениях поэта, надолго остаётся в памяти читателя. Осознание того, что березовые рощи существуют только здесь, на земле, и, что их не встретишь в том краю, где тишь и благодать (т.е. на том свете), помогает лирическому я бережно и с любовью к ним относиться, ценить их красоту. В стихотворениях С.А. Есенина береза предстает перед нами наряду с цветами, а также как контраст по отношению к сытным злакам (контраст: богатство – беда), что особо подчеркивает красоту дерева.

Береза – это любовь, счастье, которое усиливает зеркальное отражение в воде: пруду, озере. Дерево представлено чаще всего в золотой одежде или контрастно, без нее из-за облетевших осенних листьев (только для того, чтобы весной снова возродиться). Опавшие золотые березовые листья ассоциируются с тоской по молодости, но и с жестокостью (принуждением обнажаться), а также с потерей чего-то дорогого сердцу, например, любви, жизни. Мысль о весенней зелени претворяет в жизнь символ примирения с судьбой, одобрение, с человеческой точки зрения, даже негативных, наиболее трагических мыслей или событий.

Образ и символика дерева, как отражение человеческих чувств меняется в зависимости от времени года, поры дня, настроения лирического я, исторических изменений в стране. Весной и летом береза наводит радостные думы, у нее зеленая прическа и сережки, шелковые косы. Осенью у березы золотистая листва как стадо бабочек, березы кадят листвой на обедне. Зимой пятна снега в саду напоминают кости берез, заставляют задуматься над смертью.

Метафоры помогают в расшифровке символа. В стихотворениях С.А. Есенина чаще всего появляются эвкативные (ассоциативные, напоминающие), а реже – конфронтативные (сопоставительные) метафоры.

Символика березы отражает духовное настроение поэта – его радость, реже печаль. С другой стороны, растения имеют огромное значение не только в отражении личных переживаний поэта. На символику растений влияют и общественно-политическая, экономическая обстановки в стране.

Анализ поэтического материала показал, что береза занимает важное место в языковом сознании русских людей. На протяжении веков русский национальный символ березы сохранил историческое ядро и благодаря творчеству С.А. Есенина обогатился новыми дополнительными признаками, понятиями-символами, положительными и отрицательными. Историческое ядро березы постоянно пополняется за счет новых понятий.

Примечания

¹ Можно предположить, что противоречивое отношение славян к березе связано с тем что, с давних времен известны были ее два противоположных вида: белая (веселка) с положительной ассоциацией и черная (плакучая), ассоциирующаяся отрицательно.

² Березовые ветки в народе получили определение *каша*, поскольку их было много в пучке и потому, что после наказания на теле становилось жарко. Кашу готовили в народе из почек, листочков и коры берез и применяли как природный антибиотик при желудочной болезни пневмонии.

³ В полесских селах, например, запрещали сажать березу рядом с домом, чтобы хозяева не болели [7 I, с. 157].

⁴ Березу сажали недалеко от дома для благополучия семьи, а ветки втыкали в поле для урожая злаков [Там же, с. 157].

⁵ Доказательством связи березы с календарным циклом обрядов являются обрядовые действия, такие как: завивание (заламывание), ряжение, проводы березы [Там же, с. 156].

⁶ Семик – восточнославянский праздник весенне-летнего календарного периода. На Семик девушки завивают березку венком, ходят хороводом вокруг наряженной лентами березки, принося ее в деревню [1 I, с. 83].

⁷ Русалии (русальные дни) – это ‘весенний языческий праздник в память об умерших у древних славян’ [6 XII, с. 1574].

⁸ В Полесье известна легенда о том, что в наказание за грехи Бог превратил женщину в березу, а мужчину в осину („иди в лес, стань осиной и дрожи до конца света”) [7 I, с.156].

⁹ В Польше розги из березовых веток считаются традиционным снаряжением св. Николая (Деда Мороза), который носит их в корзине с подарками для предупреждения непослушных детей [12, с. 27].

¹⁰ На основе наших многолетних исследований можно сказать, что в творчестве С.А. Есенина береза изображена, как символ России, родного села (*страна березового ситца*), девушки, невесты, пожилой женщины, рая и т.п.

¹¹ Плюс (+) – обозначает положительное, а минус (–) – отрицательное значение символа.

¹² Цифрой 2 и звездочкой (*) мы обозначаем второе, чаще всего контекстуальное (переносное – которое можно расшифровать только в данном контексте) значение – символ данного определения. Первым значением мы всегда стараемся считать непосредственно связанное с данным поэтическим образом (чаще всего реальное, т.е. непосредственно относящее нас к действительности).

¹³ За польским теоретиком литературы, Х. Маркевичем, мы делим метафоры на конфронтативные, эвкативные и конфронтативно-эвкативные. У каждой метафоры выступают тема и носитель метафоры.

¹⁴ Девушка еще не готова выйти замуж.

¹⁵ Это стихотворение посвящено актрисе Августе Миклашевской, последней сильной платонической любви С.А. Есенина. <http://pishi-stihi.ru> [дата обращения: 1.12.2016].

¹⁶ Стихотворение написано после разлуки с актрисой, когда поэт впал в длинный запой и неожиданно женился на Софье Толстой и потом снова вернулся к Августе Миклашевской с обещанием перестать скандалить. Там же [дата обращения: 1.12.2016].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I–IV / В.И. Даль. – М., 1955.
2. Есенин, С.А. Собрание сочинений в трех томах / С.А. Есенин. – М., 1977.
3. Есенин, С.А. Собрание сочинений в шести томах, [в: IV т.], Стихотворения, не вошедшие в основное собрание / С.А. Есенин. – М., 1978.
4. Молотков, А.М. Фразеологический словарь русского языка / А.М. Молотков. – М., 1967.
5. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка. – Т. I–II / А.Г. Преображенский. – М., 1910–1914.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII / – М., 1950–1965.
7. Толстой, Н.И. Славянские древности. Энциклопедический словарь. – Т. I / Н.И. Толстой. – М., 1995.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – Т. I–IV. / М. Фасмер. – М., 1986–1987.
9. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. – Kraków, 1927.
10. Kopalinski, W. Słownik symboli / W. Kopalinski. – Warszawa, 1991.
11. Markiewicz, H. Uwagi o semantyce i budowie metafory. – Studia o metaforze II. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej / H. Markiewicz. – Wrocław, 1983.
12. Ogródowska, B. Zwyczaje, obrzędy i tradycje w Polsce / B. Ogródowska. – Warszawa, 2001.
13. Watała, E., Woroszyński W. Życie Sergiusza Jesienina / E. Watała, W. Woroszyński. – Warszawa, 1992.

Материал поступил в редакцию 06.12.17.

BIRCH TREE AS THE SYMBOL OF FEELINGS IN THE POETRY OF S.A. YESENIN

Jolanta Kur-Kononowicz, Candidate of Philological Sciences, Adjunct
Department of Russian Philology, University of Rzeszow, Poland

***Abstract.** In the article, the role of birch tree as the symbol of human feelings in lyrics of Russian poet S.A. Yesenin was submitted to philological analysis. A new approach, which combines semantic analysis with a metaphor interpretation is proposed, and allows to clarify the symbolic meaning of the birch. In Yesenin's poetry, the symbol of the birch expanded its meanings to include the positive associations with calmness, silence, longing (for lost youth), as well as the negative aspects, such as spiritual emptiness, death, and parting with love.*

***Keywords:** poetry, symbols, birch, semantics, feelings, perception of the world, random events, metaphors.*

УДК 808

СИНТАКСИС КАК СРЕДСТВО ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕДИАДИСКУРСА

Н.А. Пром, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный технический университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается эффективность фигуры умолчания в качестве синтаксического средства экспрессивного воздействия в медиадискурсе. В ходе исследования проанализировано 120 текстов на русском и немецком языках. Умолчание используется в качестве паузы, которая усиливает последующий эмоциональный всплеск. Данная фигура речи также выступает средством передачи эмоций и эффекта присутствия, выполняет роль эвфемизма, создает впечатление естественной коммуникации.*

***Ключевые слова:** медиадискурс, синтаксическая фигура речи, функции, прагматическое воздействие.*

Основными средствами прагматического воздействия медийного текста в стилистике считаются фигуры речи на уровне лексики, такие как метафора, метонимия, ирония и др. Синтаксический уровень языка СМИ, тем не менее, также обладает подобным потенциалом. В предлагаемой статье мы проанализируем возможности прагматического воздействия фигуры речи «умолчание» в спортивном медиадискурсе. Умолчание представляет собой сознательно недосказанную автором мысль. В письменном тексте это отмечается графическим средством – многоточием.

Исследование состояло в том, что мы выбрали 60 русских и 60 немецких газетных текстов в жанре спортивного репортажа и выделили все случаи употребления умолчания журналистами [1, с. 185-188]. В русском материале их насчитывается 67 единиц, в немецком 23 единицы. Довольно большая количественная разница в этих блоках материала объясняется традиционно менее выраженной эмоциональностью немецкой публицистики. Прагматический потенциал полученных единиц мы рассмотрели в данной статье.

В медиадискурсе выделяется ряд причин обрыва речи, наиболее важной из которых является использование данной фигуры в качестве средства замедления повествования перед эмоциональным всплеском для создания большего эффекта: *Нихат ловит зенитовских защитников на несогласованности – не сработала офсайдная «ловушка» – и с левого фланга несетя к воротам Малафеева. Крижанац и Широков – пыль из-под ног! – ему наперерез. Но не успевают – турок бросает взгляд на ворота, прицеливается – и ... Малафеев спасает!* [футбол, Советский спорт, 4.02.08]. Здесь автором используется целый ряд синтаксических средств экспрессивного воздействия: парентеза (2 единицы), восклицание (2 единицы), умолчание. При этом они выполняют противоположные, чередующиеся задачи: парентезы способствуют замедлению повествования, восклицания – его динамизации. Создаваемая умолчанием пауза усиливает эмоциональный всплеск в конце экспрессивно перегруженного высказывания.

Неожиданный для читателя поворот события, появление в нем деталей, трудно сопоставимых с описываемой ситуацией усиливается паузой, создаваемой многоточием: *В перерыве – свое шоу. Когда разминавшиеся на поле Текке и Риксен устроили шуточную потасовку, к ним устремилась... собака! Четвероногий друг, появление которого болельщики встретили радостным гулом, побродил вокруг зенитовцев, убедился, что это всего лишь шутка, и отправился обратно за боковую. Инспекция по-питерски* [футбол, Советский спорт, 31.03.08]. В этих примерах прочитываются эмоции удивления, вызванные неожиданностью появления животного на футбольном поле или фанатов «Зенита» из города Санкт-Петербург во Владивостоке на промежуточном матче. Подобные отступления в газетном спортивном дискурсе при описании события, часто репортаже, – нередкое явление. Они имеют задачу отвлечь читателя от накала описываемых соревнований с тем, чтобы вернуться к ним с еще большим энтузиазмом.

Фигура умолчания успешно передает волнение автора, описывающего напряженность соревнования, в результате чего создается иллюзия того, что из-за волнения говорящий не может подобрать

нужные слова, вместо которых ставится многоточие. Часто соответствующий эффект создается журналистом в комплексе с эллипсисом: *Яна с Сергеем превзошли себя. Они показали такую любовь на льду... Техника потрясающая. Много придумано новых элементов. Верное попадание в образ...* [фигурное катание, Советский спорт, 24.03.08]. *Danke für diesen tollen Fußball-Abend... Deutschland 2:1 gegen Russland, das waren endlich wieder mal 90 Minuten echter Hochgenuss* [футбол, Bild, 12.10.08]. – *Спасибо за этот потрясающий вечер футбола ... Германия 2:1 против России, это были снова 90 минут истинного наслаждения.* Взаимодействие таких синтаксических фигур, как умолчание и эллипсис, с одной стороны, актуализирует их эмоционально-усилительную функцию в тексте, а с другой, способствует созданию эффекта присутствия журналиста на соревнованиях, одномоментного всплеска эмоций, результатом которого стало состояние, когда у очевидца волнительного момента «нет слов». При этом стоит отметить некоторую парадоксальность данного явления: фигура умолчания используется для передачи эмоционального накала.

Умолчание способно скрыть неуверенность автора в своем предположении: *Теперь для выхода из группы волгоградцам необходимо в последнем туре 15 марта взять реванш у «Приморца», которому уступили в гостевой игре – 8:13. Устроит либо победа с разностью в 6 мячей, либо с разностью 5 мячей с условием, что черногорцы забьют меньше 8 голов...* [волейбол, Советский спорт, 13.02.08]. *Die Abwehr ist mit Helguera und Bravo kopfballstark, aber am Boden unbeweglich. Die Lage ist also nicht hoffnungslos...* [футбол, Bild, 23.02.04]. – *С Хельгуера и Браво защита хорошо играет головой, но внизу неповоротлива. Положение таким образом не безнадежное...* Таким осторожным оптимизмом репортер пытается подбодрить немецкую команду «Байер» перед игрой с испанским «Реалом».

Обрыв фразы может выступать средством создания иллюзии естественной коммуникации, когда собеседник подыскивает подходящие слова, эвфемизмы либо старается избежать деталей при описании событий: *Нельзя сказать, чтобы такое решение вызвало полное понимание в команде – были и слезы, и недоумения, но... решение принимает тренер* [биатлон, Советский спорт, 10.01.08]. Иногда журналисту не удается подыскать подходящую вербальную замену нежелательным словам, и тогда умолчание выполняет роль эвфемизма: *Сразу скажу, что правила Ачиенг особо не нарушала, только раз или два непреднамеренно ударила ниже пояса. Но что касается корявости...* [бокс, Спорт экспресс, 14.07.08]. Очевидно, что автору хочется дать оценку профессиональным качествам соперницы российской спортсменки, но, поскольку эта оценка, скорее всего, очень низкая, автор ограничивается умолчанием, которое не менее красноречиво, с добавлением эффекта снисходительности характеризует спортсменку из Африки.

В качестве графического приема многоточие в конце предложения, содержащего перечисление, служит показателем того, что этот список сейчас или в будущем может быть продолжен: *Они вообще большие любительницы поживиться победами на чужих площадках: на групповом этапе Лиги чемпионов этого года итальянки разгромили соперниц во всех трех выездных матчах. Сначала очки пришлось отдать польской «Пиле», потом пострадали хорватская «Риека» (0:3) и французский «Канн» (1:3) ...* [волейбол, Советский спорт, 14.02.08]. Здесь журналист, перечисляя заслуги соперника и вводя многозначительную паузу в начале репортажа, косвенно намекает на вероятность проигрыша российской команды. Тем самым он подготавливает читателя к негативному исходу матча.

Недосказанность используется журналистом как способ закончить репортаж: *Перед матчем нам дали понять, что совсем не плохим результатом будет ничья. Эх, если бы Кан в первом тайме не показал потрясающую реакцию...* [футбол, Спорт экспресс, 15.02.08]. *Die dickste Chance des ganzen Spiels hatte der Kroatie Olic (19.): Genaue Flanke von Modric auf den Stürmer. Aber der brachte das Kunststück fertig, die Kugel aus vier Metern an die Latte des leeren Kastens zu ballern. Das sollte sich rächen...* [футбол, Welt, 23.06.08]. – *Самый верный шанс во всей игре был у хорвата Олича (19): точнее при поперечной передаче Мордика на нападающего. Но тот был способен только на то, чтобы с четырех метров запустить мяч в перекладину пустых ворот. За это нужно отомстить...* Такой прием создает впечатление незаконченности текста, вызывая у адресата желание узнать дальнейшее развитие событий. Именно такого эффекта ожидает автор, стимулируя читателя после ознакомления с печатным текстом спортивного репортажа обратиться к электронной версии издания за расширенной информацией, посмотреть соревнования по телевидению (повтор трансляций), если этого не удалось раньше, заняться спортом самому, либо, как минимум, приобрести следующий номер газеты. Это пример потенциальной актуализации прагматической функции газетного текста репортажа спортивной тематики, способной вызывать действенную реакцию адресата.

Из сказанного следует, что фигура умолчания представляет собой эффективное синтаксическое средство экспрессивного воздействия. Анализ материала показал использование умолчания в качестве паузы, которая усиливает последующий эмоциональный всплеск в конце экспрессивно перегруженного высказывания. Данная стратегия обладает дистрактивным характером. Умолчание также выступает средством передачи эмоций и эффекта присутствия, выполняет роль эвфемизма, создает впечатление естественной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пром, Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект. / Н.А. Пром – дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. – 240 с.

Материал поступил в редакцию 19.12.17.

SYNTAX AS A MEANS OF PRAGMATIC IMPACT OF MEDIA DISCOURSE

N.A. Prom, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Volograd State Technical University, Russia

***Abstract.** The article discusses the effectiveness of the omission as syntactic means of expressive influence in the media discourse. The study analyzed 120 texts in Russian and German. The omission is used as a pause, which enhances the subsequent emotional outburst. This figure of speech also acts as means of conveying emotions and effect of presence, carries out an euphemism role, makes an impression of natural communication.*

***Keywords:** media discourse, syntactic figure of speech, functions, pragmatic impact.*

УДК 8.82

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ И ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Е.А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, директор
Омский региональный научно-исследовательский

Центр Достоевского при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, Россия

***Аннотация.** Статья дает обозрение художественных приемов Ф.М. Достоевского в философской прозе.*

***Ключевые слова:** философская проза, личный опыт, свободный вымысел, диалогизм, ироническое повествование.*

Вторая половина XX века и начало XXI века изменило соотношение человека и мироздания, в этот период человечество впервые остро столкнулось с угрозой самоуничтожения. Современность требует нового уровня сознания каждого, невероятно повышая уровень ответственности личности. Искусство ответило на этот вызов эпохи, недаром французский режиссер Рене Клер справедливо заметил, что в XX веке «искусство стало больше философией, чем искусством».

Оказавшись в постантропологическом мире, мы по-новому видим прогнозы и предупреждения Достоевского и его предшественников на этом пути. Поэтому так актуально изучение философских форм в отечественной культуре, не просто обсуждая идеи Достоевского, а пытаясь выработать методологию анализа подобных явлений.

Что же такое философская проза?

Одним из первых обозначил это явление М.М. Бахтин, заметивший, что в катастрофические переходные эпохи, когда меняется весь уклад жизни, вся культурная парадигма появляются странные парадоксальные гибридные формы, выходящие за пределы традиционных жанров и типов (мимы, сократические диалоги, мемуаристика, памфлеты, «Мениппова сатира», и т.д.). Именно в этих произведениях «серьезно-смеховой» сферы совершается развитие нового, они и становятся источником философствования, когда остро необходимо вновь понять смысл мироздания и человеческой жизни. Художественный образ в таком философствовании опирается на неповторимый ЛИЧНЫЙ ОПЫТ и на СВОБОДНЫЙ ВЫМЫСЕЛ. Они и становятся источником философского обобщения, открытия, духовного прозрения. Проводником философской рефлексии М.М. Бахтин называет «карнавализацию», но это только одна тенденция. С таким же успехом можно было бы назвать эссеизацию, персонализацию абстракции, интимизацию, парадоксальность, «прием прожектора» (укрупнения) или любую игру смысловыми масштабами. Философизация обнажает относительность всех вчерашних абсолютов путем столкновения противоположных сфер.

К обретению нового планетарного сознания на рубеже XX-XXI веков ведут разные пути – один из них философизация литературы. Ф.М. Достоевский своими произведениями и особенно «Дневником писателя» создал новый тип культурного синтеза в литературе, но философичность шире понятия философской прозы. Новаторские открытия Достоевского в «Дневнике писателя» стимулировали развитие литературы и искусства XX века в целом.

Это особый тон и интонация повествования, как воображаемой беседы с читателем от лица условно-биографического «я», который оборачивается то писателем, то странником, то мудрецом, то «простодушным», то ребенком, то прагматиком, то экспериментирующим фантастом, то законником, то мемуаристом, то критиком.

Цель общения с читателем в «Дневнике» – побудить его к собственному мышлению, помочь

обрести цельное сознание, сделать возможным духовное прозрение.

Достоевский в «Дневнике писателя» начинает рассказ с эмпирического факта (например, эпидемия самоубийств молодых людей конца 1870-х годов), далее автор придает ему расширительный смысл, помещает его в неожиданные контексты и связи. После этого факт становится мыслительной универсалией. Художественный образ расширяется другими образами и, наконец, раскрывает свои обобщающие свойства, вместе с тем порождается в читателе личный, индивидуальный смысл под углом зрения вечности всемирности.

На границе образа и идеи, а также факта, возникает энергия трудного сопряжения и преодоления. Слово философской прозы «Дневника писателя» находится, по выражению С.С. Аверинцева, «в процессе становящейся терминологичности», в зоне подвижного, рождающегося на глазах читателя смысла. (Сравн. «случайное семейство», «всемирная отзывчивость», «общечеловек»). Часто фантастическое предположение высвечивает истину («Сон смешного человека»).

Четыре омских года Достоевского наполнены постоянным перечитыванием Библии, книге, рассматривающей жизнь и человека с точки зрения вечности. Писатель творчески освоил уникальный опыт превращения конгломерата жанров легенд, рассказов, жизнеописаний, афоризмов, назиданий, мифов, поэм в одну цельную Книгу. И опыт этот зримо отразился в «Дневнике писателя», чтобы помочь его читателям обрести новую жизнь и новое сознание.

Уникальный опыт Ф.М. Достоевского, фактически открывшего своим «Дневником писателя» пути философизации прозы в 1880-е годы, позволяет понять огромность заслуг великого писателя, определившего поэтику, жанровые тенденции, природу синтеза разных начал. Достоевский в «Дневнике писателя» блестяще осуществил философский синтез, опирающийся на личный опыт и свободный вымысел, сведя воедино разноголосицу эпических, публицистических, критических и философских жанровых тенденций.

Главная же заслуга Достоевского – нахождение чрезвычайно плодотворной гибкой и Динамичной позиции философствующего «я» на условно-биографической основе. Достоевский с огромным художественным мастерством прозаика создал в «Дневнике писателя» полижанровое художественно-философское целое по структуре внутренних и внешних композиционных связей подобное Библии. Достоевский впервые в русской культуре не только осуществил задачу философской прозы в чем-то глубоко родственную священным текстам (сообщить «радостную весть» о Христе, пережить откровение и поведать о своем опыте переживания Царства Божия), а после этого ощутить Новую Землю и Новое небо и себя почувствовать существом как бы второй раз рожденным – духовно рожденным), но и осознал ярко и полно природу этой области культуры. Достоевский впервые строит пеструю проблематику «Дневника писателя», словно пронизывая ее стержневыми «вечными» экзистенциальными мотивами, типичными для сущностно-бытийного угла зрения философской традиции. Это – «дети», «старика», «семья», «будущее», «прошлое», «настоящее», вообще поток времени, текущий в вечность, «народ», «простое сознание» непосредственного человека, «русский национальный характер» и «судьба России», идеал человека («всечеловек», подобный Христу), обретение истины («я видел истину»), жизнь и смерть, свет и тьма, небо и земля. Россия и Европа, сознание и бытие и многое, многое другое. Из «Библии» взяты функции иерархичности текстов, жанров, авторских позиций.

В повествовании «Дневника писателя» материализуется повышенное ощущение жизненности, переживается сгущенная интенсивность самого процесса бытия изнутри сознания философствующего субъекта почти в чистом виде, ибо хоть все процессы (душевные, умственные, религиозные, этические) и воплощаются в конкретном чувственном материале жизни, но автора философской прозы интересует не воссоздание действительности, а умозрение истины. Из явлений выхватывается, высвечивается, даже конструируется только то, что важно для поиска истины, все остальное укрыто во мраке. Рассказы, случаи, эпизоды «Дневника писателя» атакуют нас экстремистски, вызывают болевой эффект у читателя, поэтика их категорична – эмпирический материал и обретение истины до неразличимости слиты и сплавлены, всегда в них есть второй скрытый смысл. Грани разных способов философствования резки, подчеркнуты, границы «историй», разнородных кусков бросаются в глаза своей разностильностью, разножанровостью, или создается единая всемирноисторическая связь, единая смысловая перспектива, своеобразная связь всех кусков и частей по вертикали, когда дух философствующего в самом бытии неизменно обнаруживает перспективу вечности. Одним из самых ярких завоеваний философской прозы «Дневника писателя» является поэтика, воспроизводящая духовный путь развития личности, через бездны падений и взлетов персонажи из «примеров» осуществляют

волю Бога, творят пласт вечности в своей судьбе. Человек в «Дневнике писателя» почти всегда дан как субъект этического выбора по преимуществу. Бог может воззвать к совести любого, а проводником этого призыва постоянно выступает философствующий субъект, «писатель».

Везде в «Дневнике писателя», там, где осуществляется прямой контакт с Абсолютным, идет быстрое и яркое преобразование личности философствующего, его оцельнение. Большинство эпизодов «Дневника» включены в далевую перспективу, расширяющую горизонт духовного бытия субъекта философствования.

Он в «Дневнике» демонстрирует власть речи, письма над жизнью. Не раз отмечалась исследователями ритмическая природа голосоведения, вслушивания в слово повествования (отсюда значимость таких приемов, как этимологизация, игра слов, роли молчания). Скачок мысли в иную сферу совершается сменой тона, интонации, ритма высказывания.

Все способы философизации выступают в «Дневнике писателя» в своей недифференцированности, однако именно они актуализируются в творчестве русских писателей последователей Достоевского в произведениях философской прозы от 1880-х годов до начала XXI века. Поиски Достоевским целостного, синтетического философского слова, пытающегося соединить зримое и невидимое, невестественное найдут перспективное продолжение и развитие в творчестве В.В. Розанова, автобиографической прозе П.А. Флоренского, прозе О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака, С.А. Есенина, А.И. Солженицына.

Ф.М. Достоевский определил направление и пути жанровых, повествовательных, композиционных исканий русской философской прозы почти на целое столетие.

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» впервые осуществил художественно-философский синтез на собственно прозаической основе. Перед читателем предстал очень перспективный вариант книги итогового опыта, представляющий собой полижанровое целое, построенное на внутренних ассоциативно-символических сцеплениях, смысловых переключениях из одного повествовательного плана в другой.

Итоговая книга «Дневник писателя» по своей композиционной, жанровой и повествовательной целостности во многом подобна построению Библии, продолжает заданную Библией традицию философствования. Главная же удача и заслуга Ф.М. Достоевского выработка гибкой и динамичной авторской позиции, в которой постоянно меняется повествовательная дистанция.

В «Дневнике писателя» впервые дан широчайший спектр всех форм, приемов философской поэтики, выработанных русской литературой к концу XIX века. Ф.М. Достоевский несомненно определил направление и пути жанровых, повествовательных, композиционных исканий русской философской прозы почти на целое столетие.

Необходимо сказать не только об эстетической, но и об этической, жизненной острой актуальности понимания путей развития русской философской прозы для современной культуры, собирающей камни и восстанавливающей связи.

Философская проза – не самоцель, она запечатлевает путь человека к прозрению, откровению, воспроизводит миг самого откровения, переживание которого проникает до сущностной глубины личности, обретающей цельность, после этого должна начаться (хотя бы как возможность) новая жизнь.

***

В омском государственном университете имени Ф.М. Достоевского существует региональный научно-исследовательский Центр изучения творчества этого писателя. Он объединяет ученых разных специальностей для изучения актуальнейшей проблемы – философской природы отечественной культуры, именно эту доминантную тенденцию инициировал в XX и XXI вв. Ф.М. Достоевский. У него, разумеется, были предшественники и последователи. Литературоведы и культурологи Центра уже два десятилетия изучают философскую доминанту в прозе XVIII века (доктор филологических наук Э.И. Коптева), философскую прозу первой половины XIX века – А.С. Пушкина, И.В. Киреевского, А.И. Герцена (доктор филологических наук, профессор А.Э. Еремеев), а также нероманную философскую прозу Ф.М. Достоевского и авторов конца XIX века (доктор филологических наук, директор Центра Достоевского Е.А. Акелькина), философским началом в прозе И.А. Бунина и В.Ф. Одоевского занимается доктор филологических наук, профессор М.С. Штерн. Доктор философских наук, профессор И.А. Бондаренко исследует новую онтологию сознания и способы неклассического философствования. В библиографии перечислены их основные работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акелькина, Е.А. В поисках цельности духа, Бога и вечности (Пути развития русской прозы конца XIX века): монография / Е.А. Акелькина. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. – 222 с.
2. Акелькина, Е.А. Философская проза «Дневника писателя» (1876-1877) Ф.М. Достоевского: судьба культурной традиции: монография / Е.А. Акелькина. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 180 с.
3. Бондаренко, И.А. Жизнь сознания: Конструирование новой онтологии сознания в культуре XX века / И.А. Бондаренко. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2002. – 320 с.
4. Еремеев, А.Э. Русская философская проза: 1820-1830-е годы / А.Э. Еремеев. – Томск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1989. – 192 с.
5. Литературные и философско-эстетические искания (1820-1830): монография / А.Э. Еремеев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 170 с.
6. Коптева, Э.И. Истоки русской философской прозы в литературе конца XVIII – начала XIX в. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. – 340 с.
7. Штерн, М.С. В поисках утраченной гармонии. (Проза И.А. Бунина 1930-1940-х годов): монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. – 240 с.

Материал поступил в редакцию 25.12.17.

THE PROBLEM OF STUDYING PHILOSOPHICAL PROSE AND CREATIVITY OF F.M. DOSTOEVSKY

Ye.A. Akelkina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director
Omsk Regional Research Center at Dostoevsky Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russia

Abstract. *The article gives a review of artistic techniques of F.M. Dostoevsky's philosophical prose.*

Keywords: *philosophical prose, personal experience, free forgery, dialogism, ironic narration.*

Literature of Peoples of the Russian Federation

Литература народов Российской Федерации

УДК 80

ПРАВДА ЖИЗНИ. ПРАВДА ИСТОРИИ

С.Р. Агержаноква, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела литературы
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
(АРИГИ) им.Т. М. Керашева (Майкоп), Россия

***Аннотация.** Рецензия на книгу Теучежа Ката «В тяжелую годину», в которой рассказывается об одном из самых трагических периодов юга России.*

***Ключевые слова:** историческая память, правда истории, правда жизни, террор.*

Восстановление правды и истории народа и его духовной культуры – одна из первейших задач современности, а среди ценностей современной России одно из важнейших мест занимает стремление к восстановлению правды жизни и правды истории. В ее решении немаловажная роль принадлежит и литературе. Писатели и публицисты активно взялись за ранее закрытые темы советской истории, пытаются осмыслить и переосмыслить пройденный путь и разобраться в последствиях трагических событий. Как раз и книга известного художника, замечательного живописца Теучежа Ката «В тяжелую годину» проливает свет на кровавые события исторической действительности во время гражданской войны на Кубани и Адыгеи. В своей книге художник слова отходит от стереотипных мышлений и от начала до конца повествования ведет честный и откровенный диалог с прошлым.

Роман «В тяжелую годину» отличается смелым соединением нравственных проблем с политическими, с чувством современности и сопричастности судьбе своего народа. Проза Т. Ката находит выражение в мастерском владении изобразительно-выразительными средствами русского языка.

В основу книги легли документы и материалы, извлеченные из фондов Краснодарского краевого, Ростовского областного архивов и данные архивных фондов национальных республик Юга России, которые автор подверг художественному осмыслению.

Ценность книги «В тяжелую годину» в том, что автор стремится по-новому посмотреть на нашу непростую историю, в том числе и на самые болезненные ее страницы. Объектом художественного осмысления стала по существу редкая тема в адыгейской литературе, и она проливает свет на этнополитические процессы, происходившие на Юге России в частности в Адыгее.

Великолепный мастер кисти теперь через художественное слово сделал попытку разобраться в сути и последствиях в жестоком и массовом Красном терроре. Используя воспоминания очевидцев родного аула и близлежащих населенных пунктов, он воссоздал облик своих земляков-жертв этих трагических событий. Использованный автором архивный и полевой материал позволил нам проследить причинную связь многих конфликтов того времени и подвел нас к выводу о необходимости извлекать уроки отрицательного опыта прошлого при осуществлении национальной политики в современной России.

Надо отметить, что это зрелое, достаточно аргументированное художественное произведение, свидетельствующее, что автор владеет знаниями и фактами и умело владеет методикой описания исторической правды. Прделав работу сравнимую написанию научной работы, Т. Кат ответственно подошел к используемому фактическому материалу и вплел их умело в художественную ткань произведения.

Структура книги выстроена так, что автор не бросает нас сразу в пепелище тех трагических событий, а дозировано подводит читателей к главной теме романа.

В прологе автор вводит нас в кунацкую и оттуда ведает нам свою родословную: "Террор коснулся и моих родственников. В числе расстрелянных оказался мой дед по матери Плижимуко Хусейн,

его младший брат Плижимуко Мод, братья Плижимуко Юсуф и Плижимуко Турк. Чудом избежал страшной участи мой отец. Ему тогда было восемнадцать лет" [1, с. 9].

Кунацкая у адыгов это хранилище нравов, традиций, обычаев и место обмена информацией. И пользуясь правилами ХьакIэщ (кунацкая) Теучеж Кат осторожно, понимая, что равно как по острию ножа, рассказывает хронологию и сводку тех лет: "Писали, что расстрелы в Адыгее в 1918 году – дело белых и террору красные никакого отношения не имеют. Но правду невозможно скрыть, она вылезает из любой ямы, сколько бы ее не прятали. Так случилось и сейчас" [1, с. 7].

Очень уместны в романе сплетение реальных событий с этническими мотивами, адыгского фольклора с историей террора.

Отдельные сцены так увлекают, что хочется сразу разбирать, анализировать и делиться эмоциями и впечатлениями. Некоторые моменты так впечатляют, что кажется, могли бы служить отдельными рассказами. Возникает такое ощущение, будто автор сам был свидетелем тех событий, подробно описывает каждый шаг, объясняя мотивы и действия своих героев вплоть до описания маленьких деталей. Портретная характеристика героев настолько яркая и узнаваемая, что создается впечатление, будто перед тобой живые люди.

Автор хорошо знает и убедительно показывает быт кубанских казаков, сочными красками рисует их нравы и обычаи. В романе красной нитью проходит дружба казаков и адыгов.

Принципиально важным для восприятия романа является то, что политическая позиция Т. Ката базируется на фундаменте его произведений и общественных взглядов.

Роман «В тяжелую годину» несмотря на описывающиеся трагические события, читается легко, написана понятным, доступным языком. Для массового читателя, а особенно, для молодежи будет большим справочником для развития исторической и человеческой памяти.

Книга, на мой взгляд, пронизана патриотизмом и гражданской позицией и займет достойное место в общественно-политической жизни Кубани и Адыгеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теучеж Кат. В тяжелую годину. / К. Теучеж – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2016. – 368 с.

Материал поступил в редакцию 28.12.17.

THE TRUTH OF LIFE. THE TRUTH OF HISTORY

S.R. Agerzhanokova, Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher of the Department of Literature
Adygeya Republican Institute of Humanitarian Studies (Maykop), Russia

Abstract. A review of the book of Teuchez Kata "In a Heavy Hour", which tells about one of the most tragic periods in the south of Russia.

Keywords: historical memory, truth of history, truth of life, terror.

УДК 398.22 (=512.157)

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МИР САХА В РАКУРСЕ ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА

М.Т. Сатанар¹, В.В. Илларионов²

¹ магистрант 2 курса, ² доктор филологических наук,
 профессор кафедры фольклора и культуры народов северо-востока РФ
 Институт языков и культуры народов северо-востока РФ,
 Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), Россия

***Аннотация.** Момент истории не является изолированным, представляя собой комплекс прошедшего, настоящего и будущего, в котором постоянно происходит борьба старого и нового. Эпическое мироощущение, мирозерцание и миропредставление олонхо несут в себе сложное переплетение многоструктурных проявлений, каждая ветвь которого вырастает из целой гаммы мифологического восприятия мира, его всеобщей картины. В статье предпринята попытка прослеживания диалектики мифологического мышления предков саха-мифотворцев, чьими наследиями насыщено эпическое творчество саха, до уровня умозрительных рассуждений и осмысленных истолкований в целях максимального постижения более глубоких пластов олонхо, что позволяет расширить границы понимания роли мифологических воззрений предков в культурно-исторической трансляции духовных ценностей народа. В условиях стирания национальных особенностей заостряется потребность в ее реконструкции, которая продолжает оставаться одной из малоизученных тем в круге вопросов этногенеза и культуригенеза.*

Ключевые слова: саха, культ, мифологические воззрения, дуалистическое мировоззрение, палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы.

У многих народов мира памятники устного народного творчества сохранились на сегодняшний день как реликты культурного наследия. В якутском наследии *олонхо* отражены древние истоки мировоззренческих воззрений, и, как писал венгерский филолог Карл Кереньи, действительно “Мифология, подобно отсеченной голове Орфея, продолжает петь даже после смерти, и пение ее доносится издалека” [19, с. 15]. Как считают исследователи разных эпох, разумное освоение материального мира и духовного пространства берет свое начало из глубин первобытного сознания людей. Согласно определению авторитетного философа А.Ф. Лосева, миф есть текучая, творчески развивающаяся историческая действительность. И каждый образ развивается, начиная с зародышевого состояния, переходя к более развитой форме, и кончая разложением и гибелью [7, с. 11]. Целью предлагаемой работы является рассмотрение и обобщение мифологических воззрений *саха* в спектре неразрывной связки их происхождения, а далее и восходящих, и нисходящих процессов. Цель предполагает проведение обзорного анализа истоковедческих материалов исследователей Г.В. Ксенофонтова, А.П. Окладникова, Н.А. Алексева, А.И. Гоголева, А.Г. Лукиной, К.Д. Уткина, прослеживание мифологических мотивов прогрессивного и регрессивного характера, тем самым фиксирование диалектики мифологических воззрений народа, выявление преемственности мифологических мировоззрений народа в хронологическом порядке.

Мировоззрения якутов как часть истории, материальной и духовной культуры впервые появились в трудах этнографов, историков, археологов. Особый вклад внесли записи путешественников и исследователей якутской истории и культуры И. Биллингс, И.Г. Георги, А.Ф. Миддендорф, Г. Миллер, Р.К. Маак, В.Л. Серошевского, И.А. Худякова, Э.К. Пекарского, Я.И. Линденау, С.В. Ястремского, В.Ф. Трошанского, А.Е. Кулаковского, С.А. Новгородова, П.А. Ойунского. Изучению религиозно-мифологического мира *саха* посвящены фундаментальные исследования Г.В. Ксенофонтова,

А.Н. Алексеева, А.И. Гоголева, Р.И. Бравиной, Е.Р. Романовой. Авторы в своих работах определили стержневые установки традиционного мировоззрения народа. Проблемы, связанные с символикой и реконструкцией мифологических мировоззрений *сах* обусловили появление работ С.К. Колодезникова, З.С. Семеновой, Л.Л. Габышевой и др.

Корни мифологических воззрений *сах* уходят вглубь палеолитической эпохи (35-11000 лет до н.э.). В древний каменный век, когда человек не отделял себя от природы, не осознавал себя самостоятельной субстанцией, и “растворялся” в природе, прослеживается тотемический культ носителей первобытной культуры, преобладание охотничьего культа. Производительные силы находятся на уровне собирательно-охотничьей экономики [7, с. 9]. В это время широко представлен звериный образ. Далее, постепенно развивается оборотническая логика (термин А.Ф. Лосева). В жизненной ориентации человек не находит ничего устойчивого, т.е. твердо определенного: каждая вещь может превращаться в любую другую, и каждая вещь может иметь свойства другой вещи. Таким образом, не отчленяя себя от коллектива, первобытный индивидуум мыслил и самого себя, был “носителем любых качеств и свойств любых других индивидуумов и даже всего коллектива” [7, с. 13]. Преобладает тотемический культ, связанный с изображениями характерных повадок животных [16, с. 19], охотничий культ, где чтимыми зверьями являлись медведь, бизон, лошадь [10, с. 53-54]. В верхнем палеолите возводится культ женщины – *тангара* (палеолитические статуэтки) [10, с. 48], “духов-владычиц разных стихий” [3, с. 18], мать, и связанная с ней *Айыыһым* [10, с. 46], параллельно появляются космогонические мифы о мироздании [3]. В верхнем палеолите, судя по наскальным петроглифам Ленских скал, как считает Окладников А.П., существовал также культ небесных богов-творцов [10, с. 350].

В мезолите (11-6000 до н.э.) прослеживается почитание культа оленя, как символа Солнца *Сах* [3, с. 14]. Возводится культ Солнца, образ светила отражается через культ птиц (*бар кыыл, далан оксөкү, аалай мохсобол, хорудай* – полуптицы, полужвери), проявляясь как отголоски древнего “звериного стиля” [3, с. 19]. Здесь мы четко видим стихийно-множественную семантику мифа. Культ женщины – *тангара* развивается, воплощаясь в культ удаганки – служительницы древней религии [8, с. 117]. Конь – *Дьөһөгөй обото* воспринимается как священное животное, связанное с культом плодородия и смерти [15, с. 263], зафиксированный В.Л. Серошевским в конце XIX в. В архаических верованиях конь и птица служат посредниками между Небом и Землей, Средним и Верхним мирами, священным и профанным. Усложняются космогонические мифы (*Айгыр-силлук* как образ Вселенной, образ *Баай Барыылаах*, связанная с охотничьим культом, миф о 4-х ветрах т.е. направлений Вселенной [3, с. 13, 21, 27]), развивается культ *Айыы*. Продолжается возвеличивание женщины [17, с. 107].

В неолитическую эпоху (6000-2000 до н.э.) по А.Н. Бернштаму, в мифологическом мировоззрении видное место занимает мотив о ныряющей утке [4, с. 191]. Фигуры на писаницах убедительно демонстрируют почитание культа лося, где центральной фигурой становится образ лосихи, связанная с культом плодородия [10, с. 107], и поклонения духу-хозяину священной горы с жертвоприношением, развивается культ жертвенного места [11, с. 78, с. 81]. Сильно почитаем культ птиц [15, с. 626]. Неолит – время развития солярных и лунарных мифов, отражающих культ поклонения небесным светилам [8, с. 35], где ведущее место занимают образы оленя, орла, коня [8, с. 158]. В позднем неолите на основе первобытной системы представлений о Вселенной развивается культ Солнца, дуалистическое мировоззрение мироздания, появляется образ мирового древа [3, с. 29, 23]. Писаницы данной эпохи указывают усложнение сюжетов (антропоморфные фигуры людей в рогатых и лучистых головных уборах), свидетельствуя о новом этапе развития идеологии шаманизма, чьи культовые действия обеспечивают удачу в охоте [9, с. 90-91]. Прослеживается абсолютное преобладание образа лося в искусстве [10, с. 83, 98]. Заметен культ почитания воды [17, с. 110]. В архитектуре заметна коническая купольная форма жилища [10, с. 79]. Центральное место занимает очаг, т.е. почитается культ огня [10, с. 79]. Вместе с солярным культом берет начало идея *ысыах*, и связанная с ним идея *алгыс* [8, с. 140] [5, с. 24], также танец *осуохай* [8, с. 53], ориентированные на моделирование Космоса [8, с. 218].

В целом, перечисленные выше три исторических периода – палеолит, мезолит, неолит, можно обобщить следующим образом: являются эпохами матриархата, когда преобладала первобытная оборотническая логика, зарождение мифологии начинается с представления одушевленными обыкновенных физических предметов (фетишизм). Человек, находясь во всецелой зависимости от природы, все вокруг мыслил состоящим из земли или из ее порождений (хтонизм).

В эпоху бронзы (2000 до н.э. – 500 лет н.э.) произошли важные перемены в социальной структуре: усиливается социальная роль мужчины, начинается становление патриархально-родовой общины,

сменившей древнюю общину, основанную на материнском праве. И на основе этого происходит становление сибирского шаманизма, где все явственно выделяются 2 направления: культ белых шаманов, как жрецов божеств *Айыы*, и культ черного шаманизма [10, с. 168]. Сохраняется еще культ зверообразных божеств [10, с. 162]. Развивается культ Неба [1, с. 52], за которым по мнению Е.Н. Романовой, скрывался культ Солнца [14, с. 53], триада Богов, где особое место занимает *Улуу Тойон* [3, с. 33]. Наряду с эсхалотическим мифом о конце света [3, с. 22], поклонением верхним божествам [1, с. 52], верой в страну мертвых [10, с. 165], образом птичеловека (вера в инкарнацию), появляются в эту эпоху образ девушки-богатыря и богатырей, сопровождающиеся воспеванием их подвигов (*олонхо*). И к началу 1 тыс. н.э. появляется образ *Омогоя*, *Улуу Хоро* [10, с. 341], и *Элляя* – белого шамана и мастера кузнечного дела [8, с. 227]. Образ *Аан Алахчын* воплощает универсальную концепцию мира [3, с. 24]. По Гоголеву А.И. с половины 1000 до н.э. – 6 в. н.э. на мифологические воззрения народа оказывают влияния скифосибирские и хунно-сарматские субстраты. В раннем железном веке (1-10 в. н.э.) культ зверя заменяет культ предков, где четко видны одинаковая значимость тотемного мира человека и зверя [10, с. 211]. Происхождение якутских небесных шаманов возводится к первоначальному *Элляю*, который первым совершил моление небесным божествам, вступив первым в диалог с Космосом [8, с. 227]. Развивается вера в загробный мир [10, с. 166], как продолжение земного существования, связанная с курумчинской культурой 5-11 в. н.э. Самобытно богатое конское убранство. Возводится культ воина [10, с. 214], *Тангара*, божества *Сах*, *Байанай* [3, с. 36, 21]. *Ысыах* проводится 2 раза в год – летом и осенью, где очевиден дуализм воззрений. Оформляется становление пантеона Богов во главе с верхним божеством, которым противостоят демоны Нижнего мира. Характеризуя в целом, можно сказать, что с этих периодов берет корни эпоха патриархата, качественно отличающейся от предыдущих, где прослеживается высокая ступень мифологической абстракции (анимизм), когда человек уже не растворяется в природе, а уже противопоставляет себя ей. Таким образом, исчезает оборотничество, и каждая вещь становится твердо определенной вещью, допускающей одни свойства и исключающие другие, другими словами, “демон” вещи был отделен от самой вещи [7, с. 12]. Производительные силы в эти периоды находятся на уровне производящего хозяйства, т.е. постигается конструктивно-технический принцип данной вещи или явления природы [7, с. 13], когда можно пользоваться им в целях сознательного собственного потребления. В результате отделения идеи вещи от самой вещи появляются самостоятельные образы со своими субстанциальными содержаниями – Боги, демоны, герои, и это служит основанием для появления героической мифологии. Значительные свои результаты дает производящее хозяйство, становясь ведущим началом культуры, и твердо встает на ноги развитая мифология.

Культура малых домов (XV-XVI вв. н.э.) очень слабо изучена. По Окладникову А.П. это культура местных племен раннего железного века, ассимилированных пришельцами с юга. По Гоголеву А.И., здесь преобладали рыболовство и охота, не было скота. Эту культуру Алексеев А.Н. датирует 13 веком.

Кулун-атахская культура (VIII-XVI вв. н.э.), открытая А.И. Гоголевым, скотоводческая культура, где отличительной чертой выступают сенокосно-пастбищные ведения хозяйствования, строение *балаган* с пристроенным *хотоном*, а также типичный для этой культуры культ погребения человека (юрту срывали до основания, получалась четырехугольная земляная оградка). Наряду с обоготворением орла, лебедя, сохранением и развитием культа Неба, черного шаманства и жреческого культа, прослеживается культ веры в существование «*дыбын*» и «*кыраман*» [3, с. 31], существование касты *кибэс* [3, с. 32]. В хозяйстве в эту эпоху преобладало коневодство, следовательно, поклонение божеству *Дьөнөгөй*. Развивается образ *Ньяадды Ньаха* – покровительницы скота [3, с. 35]. Сохраняется обряд трупосожжения, что исследователи связывают с культурой курыкан. Хозяйственные постройки без очага (для скота) демонстрируют пространственную ориентацию, наследованную древнетюркской эпохой [2, с. 17-46]. Прослеживается жертвоприношение скотины божествам и духам, причинившим болезнь или беду – *кэрэх* [1, с. 69].

Кыргыз-етехская культура (XVI-XVII вв. н.э.) – постепенно преобладает культ черного шаманизма над жреческим культом, связанное с окончательным формированием скотоводчества. Формируется пантеон Богов. Сохраняется триада Богов, культ *Улуу Тойона* (следящим за порядком на Земле, как фигуры, стоящим на грани светлого и темного), *Уот иччитэ* (как посредника между людьми и богами), мирового древа (образа *Аан Алахчын*), Неба (связанный с ним праздник *ысыах*, проводимый 2 раза в год). Время у *саха* отождествляется с трехглавой *өксөкү кыыл*.

В эпоху позднего средневековья (XVII-XX вв. н.э.) мифологические воззрения народа основаны

на дуалистическом мировоззрении. Происходит постепенное усложнение анимистической основы религии – понятие о душе (*кут, тыын, сур*) [17, с. 182], связанные с шаманизмом понятия о многочисленных злых духах, духах-помощниках [1, с. 124]. До середины 19 в. сохраняется обряд плодородия «*дьалын ылытын туома*». Прообразом мирового древа выступает *Аар Баҕах сэргэ*. Окончательно формируется культ *Айыы* [18, с. 71], до 18 века между различными улусами существуют различия в названиях почитаемых божеств *Айыы*, где некоторые улусы не признавали *Аар Тойон*. Сохраняется обоготворение коня, и связанное с ним погребение с конем, жертвоприношения конем белой масти *Улуу Тойону*, жертвоприношения жеребцом с темной спиной и белой мордой “подземному старику” [15, с. 665]. Наличествуют пережитки тотемизма, свидетельством служат родовые знаки в виде животного или птицы [1, с. 48]. В это время из зверей в числе тотемов встречаются также медведь, рысь, белка, горноста́й, волк, некоторые из них по замечанию Н.А. Алексеева имели эвенкийское происхождение [1, с. 49]. Велико значение промыслового культа (почитание божеств *Баай Барыылаах, Куөх Боллох*), и связанные с ним обряды жертвоприношения, очищения огнем, и поверья [1, с. 52]. Особое место в мировоззрении *саха* занимает семейный культ, т.е. почитание духов-покровителей семьи (очага, двора, хлева) [1, с. 71]. Почтителен дух-хозяин коновязи, связанный с привязыванием лошадей, которому покровительствует сам *Дьөһөгөй Айыы* [1, с. 79]. По сведениям А.Е. Кулаковского, возвеличиваются под общим названием *Айыыһыт – Ахтар Айыыһыт* человека, *Исэгэй Иэйиэхсит* рогатого скота, *Норулуйа* собаки [6, С. 17-18]. Совершенствуется культ кузнецов, и возвеличиваемое им божество *Кыдай-Бахсы* [13, с. 280]. Тайное шаманство употребляется у многих части якутов до середины XIX в. [12, с. 677].

Таким образом, мифологический мир *саха* охватывает очень широкий спектр временных измерений. В сознании предков заметны нерасчлененность, тождественность субъекта и объекта, предмета и знака, существа и его имени. В время возвышения матриархата характерен фетишизм. Начало возведения патриархата связано с переходом от фетишизма к анимизму. Процесс индивидуализации и обособления самостоятельных богов и демонов появляется при переходе от собирательско-охотничьего хозяйства (от присвоение готового продукта) к периоду производящего хозяйства. Далее архаика переходит к художественно-развитому и героическому антропоморфизму. Развитая мифология была возможна уже в период раннего железного века. Комплекс мифологических представлений народа *саха* в спектре неразрывной связи происхождения, становления, окончательного оформления указывает на то, что якутский народ сохранял и поддерживал связь с позитивными и разрушающими силами природы на основе дуалистического принципа основ мироздания, культа *Айыы*. Следует также выделить, что он не был изолирован, и истоки традиционной культуры *саха* по версии Гоголева А.И., возникли в степях центральной Азии южной Сибири. Окончательное традиционное религиозно-мифологическое мировоззрение народа сформировалось на основе сложного синтеза мифологических аспектов тюркской, монгольской, кыпчакской, курыканской, тунгусской, а также автохтонных культур.

Анализ мифологических представлений народа *саха* по историческим периодам позволяет расширить научно-познавательное значение имеющихся источников, путем синтеза в единую целостную систему. Материалы могут быть использованы в преподавании курсов, в систематизации мировоззрений, для определения угла обзора и степени погружения по отношению к диалектике мифологических мировоззрений других народов, а также для расширения понимания народной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. / Н.А. Алексеев – Новосибирск: Наука, 2008.
2. Гоголев, А.И. Историческая этнография якутов. / А.И. Гоголев – Уч. пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1983.
3. Гоголев, А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. / А.И. Гоголев – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2002.
4. Гурвич, И.С. Культура северных якутов-оленевонов. / И.С. Гурвич – М: Наука, 1977.
5. Ксенофонтов, Г.В. Материалы Г.В. Ксенофонтова. / Г.В. Ксенофонтов – Архив ЯНЦ СО РАН. – ф. 4. – оп.1. – ед. хр. 12а. – л. 24.
6. Кулаковский, А.Е. Материалы для изучения верований якутов. / А.Е. Кулаковский – Якутск: Изд. Тип. Н.К.П., 1923.
7. Лосев, А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. / А.Ф. Лосев – М: Гос. Учебно-пед. издательство министерства просв. РСФСР, 1957.

8. Лукина, А.Г. Традиционные танцы саха. / А.Г. Лукина – Новосибирск: Наука, 2005.
9. Окладников, А.П. Шишкинские писаницы. / А.П. Окладников – Иркутск: Ирк. кн. изд-во, 1959.
10. Окладников, А.П. История Якутской АССР. / А.П. Окладников – М-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955.
11. Окладников, А.П., Запорожская, В.Д. Петроглифы Средней Лены. / А.П. Окладников, В.Д. Запорожская – Л: Наука, 1972.
12. Пекарский, Э.К. Материалы по якутскому обычному праву / Э.К. Пекарский // Сб. МАЭ. – 1925. Т. 5. – Вып. 2. – С. 657–708.
13. Попов, А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа / А.А. Попов – Сб. музея антропологии и этнографии. – М. Л., 1949. – С. 254–323.
14. Романова, Е.Н. Якутский праздник ысыах: истоки и представления. / Е.Н. Романова – Новосибирск: Наука, 1994.
15. Серошевский, В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования В.Л. Серошевского / В.Л. Серошевский – под ред. Н.И. Веселовского. – СПб., 1896.
16. Соколова, З.П. Культ животных в религиях. / З.П. Соколова – М: Наука, 1972.
17. Уткин, К.Д. Сборник трудов: в 16 кн. / К.Д. Уткин – Книга 9-я. – Якутск: Бичик, 2010.
18. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору. / Г.У. Эргис – М: Наука, 1974.
19. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг – Пер. с англ. Киев. – М: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996.

Материал поступил в редакцию 27.12.17.

THE MYTHOLOGICAL WORLD OF SAKHA FROM THE PERSPECTIVE OF THE HISTORICISM PRINCIPLE

M.T. Satanar¹, V.V. Illarionov²

¹ the 2-year Master's Degree Student, ² Doctor of Philological Sciences,
Professor at the Department of Folklore and Culture of the Northeast Peoples of the Russian Federation
Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East,
North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

Abstract. *The history moment is not isolated; representing a complex of past, present and future, which is constantly a struggle of old and new. The epic attitude, worldview and world outlook of Olonkho convey a complex web and multi-structured manifestations, each branch of which grows out of the whole range of mythological world perception, its universal view. The article presents the attempt of tracing the dialectic of mythological thinking of the ancestors of the Sakha – myth-makers, whose heritage is full of epic creativity of Sakha to the level of speculative reasoning and meaningful interpretation in order to maximize the attainment of deeper layers of the Olonkho, which allow to expand the boundaries of understanding of the mythological beliefs role of their ancestors in the cultural and historical conveying of spiritual values of the people. In terms of deleting of national peculiarities, the need for its reconstruction, which continues to be one of the least studied topics in range of questions of ethnogenesis and cultural genesis, becomes pointed.*

Keywords: *Sakha, cult, mythological outlook, dualistic outlook, paleolith, mesolith, neolith, the Bronze Era.*

УДК 81'282.2 (476.7)

ГОВОРЫ ВЕРХНЕГО НАДЬЯСЕЛЬДЬЯ

В.Н. Босак¹, А.А. Босак²¹ доктор сельскохозяйственных наук, профессор,² кандидат филологических наук, доцент¹ Белорусский государственный технологический университет,² Белорусский государственный экономический университет (Минск), Республика Беларусь

***Аннотация.** Территория Верхнего Надьясельдя (Пружанский район Брестской области Республики Беларусь и его пограничье) представляет собой один из своеобразных регионов Беларуси в плане междиалектных контактов. Регион находится на границе Белорусского Понемонья и типичного Западного Полесья, что определило его пестрый диалектный ландшафт. Кроме того, многие исследователи проводят по реке Ясельда условную древнюю балто-славянскую языковую и этническую границу. В результате проведенных исследований на территории Верхнего Надьясельдя выделены следующие группы народных говоров: гродненско-барановичские – на севере, северобрестские акающие – на западе, северобрестские окающие – в центре, верхнеясельдские – в центре, на востоке и на юго-востоке, малечские – на юго-востоке, севернозагородские – на юго-западе, среднезагородские – на юге исследуемого региона.*

***Ключевые слова:** говоры, фонетические, морфологические и лексические особенности.*

В составе белорусского языка основному массиву белорусского диалектного языка противопоставляется небольшая западнополеская группа говоров. Ареал распространения западнополесских говоров – территория Брестско-Пинского Полесья. На изоглоссной границе между типичными западнополесскими говорами и говорами основного массива белорусского языка расположены севернобрестские и среднебрестские говоры [1–8].

Территория Западного Полесья и его пограничья, которая находится на стыке Беларуси, Украины и Польши, всегда вызывала интерес отечественных и зарубежных исследователей [1, 5, 7, 8].

Цель наших исследований – на основе лингвогеографического анализа фонетических, морфологических и лексических особенностей получить конкретное представление о диалектном ландшафте говоров Верхнего Надьясельдя (пучки изоглосс, группы, подгруппы).

Исследование основных фонетических, морфологических и лексических особенностей говоров Верхнего Надьясельдя проводили на территории Пружанского района Брестской области (основная часть исследований) и на смежной территории Березовского, Ивацевичского, Каменецкого и Кобринского районов Брестской области, Волковысского, Зельвенского, Свислочского и Слонимского районов Гродненской области Республики Беларусь.

Всего обследованы говоры жителей 231 населенных пунктов, из них в Пружанском районе – 214, Березовском – 6, Свислочском – 5, Волковысском, Зельвенском, Ивацевичском, Каменецком, Кобринском и Слонимском районах – по 1 населенному пункту. Опрос проводился по специально разработанной программе, которая включала вопросы по фонетике, морфологии и лексике. Полная программа исследования включала 40 вопросов по фонетике, 40 вопросов по морфологии, 102 вопроса по лексике. По полной программе обследовано 118 населенных пунктов Верхнего Надьясельдя. Для уточнения границ говоров по короткой программе (15 вопросов по фонетике и лексике) дополнительно обследовано 113 населенных пунктов региона. По результатам проведенных исследований составлено 204 карты, в том числе фонетические – 30, морфологические – 40, лексические – 90, изоглоссные – 35, исторические – 5, общие – 4 [1, 3].

Говоры Верхнего Надьясельдзя имеют ряд общих фонетических, морфологических и лексических явлений, которые объединяют их между собой. Так, для всех говоров характерны: сохранение этимологического *а (*трава́, брато́к, замо́к*); сохранение этимологического *о в конечных открытых слогах (*дз'а́дз'ко /д'а́д'ко/, ба́ц'ко /ба́т'ко/*); сохранение этимологического *у (*суп, кусо́к, капу́ста*); сохранение этимологического *ы (*сын, дым, вы́со́ко*); мягкость [л] перед этимологическими *е, *і (*л'і́на, по́л'е*); отвердение этимологического *р (*рэчка, грэх, рэзац'*); отвердение гласных [ж], [ч], [ш] (*ша́пка, жа́ба*); окончание -ая под ударением в местоимениях женского рода в именительном падеже (*малада́я /молода́я/, старáя*); лексемы *шуля*□к 'каршун (коршун)', *шчур* 'пацук (крыса)', *кале́йка /коле́йка, ко́лійка, ку́лійка/* 'вясковы гурт кароў (деревенское стадо коров)', *ясёнка /ісёнка, осы*□'нка/ 'асенные паліто (осеннее пальто)', *плот /плут/* 'агароджа /плот/ (забор)', *ёжык* 'вожык (еж)', *кало́дзеж /кало́дзезь, колóдзезь, колóдзізь, колóдэзь, колóдяз, куло́дяз, колóдязь/* 'студня (колодец)', *драбі́на /драбі́на, драбы*□на/ 'лесвіца (лестница)', *заці́шак /заці́шок, заты*□шок/ 'захіленае ад ветру месца (закрытое от ветра место)'. В то же время народные говоры региона имеют значительные фонетические, морфологические и лексические отличия как между собой, так и с литературным белорусским языком.

В результате исследований фонетических, морфологических и лексических особенностей говоров Верхнего Надьясельдзя на его территории выделено 349 изоглосс, объединенных в 20 пучков. Отдельные пучки изоглосс содержат от 6 до 59 изоглосс. Один и более пучков изоглосс или фрагментов этих пучков образуют границу между группами и подгруппами, образующими массивы однородных или относительно однородных говоров.

На территории Верхнего Надьясельдзя в результате исследований выделены следующие группы говоров: гродненско-барановичские – на севере, севернобрестские акающие – на западе, севернобрестские окающие – в центре, верхнеясельдские – в центре, на востоке и на юго-востоке, малечские – на юго-востоке, севернозагородские – на юго-западе, среднезагородские – на юге исследуемого региона. Гродненско-барановичские говоры относятся к основному массиву белорусского диалектного языка, северно- и среднезагородские говоры – к типичным западнополесским говорам. Севернобрестские и среднебрестские (верхнеясельдские и малечские) говоры являются в определенной степени переходными. Внутри отдельных групп говоров выделено 9 подгрупп: внутри гродненско-барановичской – лысковская и ворониловичская подгруппы, внутри севернобрестской акающей – ровбицкая и великосельская подгруппы, внутри севернобрестской окающей – шеневская и шерешевско-городнянская подгруппы, внутри верхнеясельдской – рудницкая, смоляницкая и линовская подгруппы.

Нарастание отличий между гродненско-барановичскими, севернобрестскими, среднебрестскими и загородскими говорами на территории Верхнего Надьясельдзя имеет "ступеньчатый" характер переходности.

Значительная диалектная пестрота Верхнего Надьясельдзя является результатом длительных активных междиалектных контактов, обособленностью отдельных массивов плотно населенных микрорегионов, миграционными и микромиграционными процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босак, А.А. Дыферэнцыяцыя гаворак Верхняга Над'ясельдзя / А.А. Босак, В.М. Босак. – Мінск: БДТУ, 2010. – 160 с.
2. Босак, В.М. Асаблівасці інавацыйных з'яў у гаворках Верхняга Над'ясельдзя / В.М. Босак, А.А. Босак, Ф.Д. Клімчук // Труды БГТУ: История, философия, филология. – 2014. – № 5. – С. 145–147.
3. Босак, В.М. Даследаванне гаворак Верхняга Над'ясельдзя / В.М. Босак, А.А. Босак // Труды БГТУ: История, философия, филология. – 2013. – № 5. – С. 161–163.
4. Босак, В.М. Лінгвагеаграфічнае даследаванне лексічных асаблівасцей гаворак Верхняга Над'ясельдзя / В.М. Босак, А.А. Босак // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2017. – № 1. – С. 91–95.
5. Климчук, Ф.Д. Диалектные типы Полесья / Ф.Д. Климчук // Слово и культура, том 1. – Москва: Индрас, 1998. – С. 118–135.
6. Крывіцкі, А.А. Дыялекталогія беларускай мовы / А.А. Крывіцкі. – Мінск: Вышэйшая школа, 2003. – 294 с.
7. Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. – Wrocław, Warszawa. – 1980–1999.
8. Bosak, A. Nářeční horního Nadjaseldí / A. Bosak, V. Bosak // České vědomí Bělarusi. – Praha: Karolinum, 2013. – P. 117–122.

Материал поступил в редакцию 14.12.17.

SUBDIALECTS OF VERKHNYAE NADYASELDZE

V.N. Bosak¹, A.A. Bosak²

¹DSc (Agriculture), Professor, ²PhD (Philology), Assistant professor,
¹Belarusian State Technological University,

²Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. *Verkhnyae Nadyaseldze is located on the border of Brest-Pinsk Palessie and Panyamonne. Neighboring dialects in this region of Belarus have important speech differences. As a result of the conducted research in Verkhnyae Nadyaseldze district, the following basic types of subdialects are revealed: grodzenska-baranavitskaya – on the north, pauchnabrestskaya akayuchaya – on the west, pauchnabrestskaya okayuchaya – in the center, verkhnyayaseldskaya – in the center, on the east and southeast, maletskaya – on the southeast, pauchnazagarodskaya – on the southwest, syarednezagarodskaya – on the south of the researched region.*

Keywords: *subdialects, phonetic, morphological and lexical particularities.*

УДК 811.11-112

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ E-MAIL-КОММУНИКАЦИИ *

Ю.Г. Горпенникова, лингвист-преподаватель

Кафедра немецкой филологии Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), Россия

***Аннотация.** Целью статьи является изучение национальных особенностей деловой E-Mail-коммуникации в немецкой лингвокультуре. В статье даётся определение «электронная коммуникация». В статье рассматриваются также лингвистические особенности электронного письма. Деловая коммуникация занимает ведущую позицию в области исследования коммуникации. Деловая коммуникация подчинена определённым правилам построения писем. В статье приводятся примеры, встречающиеся в немецких деловых письмах. Деловые письма в немецком языке имеют определённую структуру, определённые семиотические, синтаксические и лексические средства. В статье впервые рассматриваются национальные особенности немецкой деловой e-mail-коммуникации, содержащие извинения.*

***Ключевые слова:** общение, коммуникация, деловая коммуникация, e-mail, национальный стиль, семиозис.*

Современный этап развития науки о языке характеризуется возросшим интересом исследователей к коммуникативной стороне языка и её реализации в процессе речевого общения; признаётся важность изучения не просто функционирования языка, но и его активной социальной роли. Общение – это сложный процесс взаимодействия людей. Общение подвергается анализу с позиции различных наук: философии [К. Маркс, 1856; А.В. Резаев, 1993; Дж. Г. Тёрнер, 2002], социологии [В.П. Колецкая, 1997; В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша, 2005; А.Л. Леонтьев, 1968; Л. Сэйер, 1968], психологии [А.М. Каган, 2002; В.Н. Лавриненко, 2005; А.А. Леонтьев, 1999], культурологии [Г.С. Батищев, 19; Л.К. Гейхман, 2001; И.А. Ильева, 1989], лингвистики [Э. Гофман, 1971; Н.В. Формановская 2002] и других. В каждой науке определяются специфические аспекты изучения данного понятия и устанавливается свой терминологический аппарат.

Проблемами общения в лингвистике занимаются исследователи с разных позиций: теория речевого воздействия, теория речевых актов, прагматика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др. Лингвисты рассматривают образование речи, её восприятие, реализацию коммуникативных установок, взаимодействие между говорящим, высказыванием и речевой ситуацией, факторы, затрудняющие общение, соотношение речевой деятельности с другими видами человеческой деятельности.

В лингвистике существует наряду с общением ещё один термин – коммуникация. Они иногда используются как синонимы, но в последнее время в науке их разграничивают [Кашкин, 2000; Формановская, 2003]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре даётся следующее определение термина «коммуникация». Коммуникация – общение, обмен мыслями. Это специфическая форма взаимодействия людей в процессе их деятельности [ЛЭС, 1990: 128].

Деловая коммуникация представляет собой разновидность институциональной коммуникации, вид общения, который направлен на установление деловых контактов, укрепление партнёрских отношений, продвижение идей, товаров и услуг, формирование имиджа организации и т.д. [Куликова, 2012: 112].

Для делового дискурса характерна стабильность, традиционность, стандарт, строгая точность, объективность, конкретность, лаконичность, отсутствие образности и эмоциональности. Названные особенности обуславливают наличие клише, приёмов стереотипной демонстрации, которые отвечают за сохранение характеристик и служат ритуализации делового общения. Коммуникативные механизмы и набор языковых средств в деловом дискурсе зависят от ситуации общения и требований современного мира бизнеса. В связи с этим изменения процессов глобализации бизнес-сообщества неизменно сказываются на особенностях обмена информацией между его представителями [Шлёпкина 2011: 223].

В каждой стране существуют свои традиции делового общения. Так, проживающий в Германии турок, который представляет в коммуникации интересы немецкой компании, то в определённой мере может сохранить черты турецкого национального характера. Именно эти черты могут повлиять на результат коммуникации. Однако в целом его стиль ведения переговоров будет скорее немецким, поскольку на формирование переговорного стиля в большей степени оказывают влияние те условия, в которых человек работает и то, от имени какой страны он ведет переговоры. Также необходимо принимать во внимание тот факт, что практически невозможно «абсолютно объективно описать» национальный стиль делового общения. Всегда работают устоявшиеся стереотипы национальных черт тех или иных народов. Национальный стиль – это наиболее распространённые, наиболее вероятные особенности мышления, восприятия поведения. Они не будут обязательными чертами, характерными для всех представителей описываемой страны, а только типичными для них. Знание национальных особенностей может служить своеобразным путеводителем, ориентиром возможного поведения партнера [Льюис, 2001: 46].

Немецкий стиль делового общения характеризуется большей лаконичностью и педантичностью. Немецкие бизнесмены являются очень практичными коммуникантами, и начинают вести переписку только тогда, когда уверены в целесообразности/ необходимости дальнейшего взаимного сотрудничества. Представители немецкой культуры обычно тщательно продумывают свою позицию, стремятся обсуждать вопросы последовательно, тщательно обсуждая все детали. Предложения и замечания должны носить сугубо деловой и конкретный характер. [Кузин, 2003: 34].

Письменная деловая коммуникация состоит из самостоятельных единиц делового общения, которые обладают такими характеристиками, как коммуникативная мотивированность, социальная тематичность, ситуативная стереотипность [Трофимова, Купчик, 2001: 17]. Для немецкой письменной деловой коммуникации типичен прямой открытый стиль общения. В немецкой деловой переписке стремятся составлять предложения ясно, чётко, не используя лишних слов. Чтобы произвести хорошее впечатление на адресата, немецкие бизнесмены пишут и по содержанию, и по употреблению речевых клише безупречно и экономят время адресата на прочтение письма, т.к. недостаточное знание в правописании и грамматической корректности может негативно повлиять на потенциального партнёра, клиента [Duden, 2008: 187].

Письменную деловую коммуникацию на сегодняшний день можно разделить на два вида, а именно почтовые письма и электронные письма или E-Mail-коммуникация. В нашем исследовании мы остановимся на письмах электронного формата. В наше время E-Mail-коммуникация пользуется большим спросом, чем в 80-е, 90-е годы XX века. Немецкий социолог G. Freyermuth приводит статистику использования E-Mail. G. Freyermuth пишет, что в 2002 году ежедневно писали 10 миллиардов E-Mail-писем, в 2005 году их количество растёт уже и составляет 36 миллиардов [Siever, Schlobinski, Runkehl, 2005: 85]. Проблемы E-Mail-коммуникации занимались следующие немецкие лингвисты – Janich (1994), Günther/ Wyss (1996), Pansegrau (1997), Weingarten (1997), Runkehl, Schlobinski, Siever (1998), Jakobs (1998), Elspaß (1998), Schmitz (2002), Ziegler/ Dürscheid (2002). Электронные письма используются сейчас не только в личных интересах, но и в деловой коммуникации. В деловой сфере считается уже нормой общение, переписка через E-Mail. E-Mail-корреспонденция в деловой сфере является наиболее эффективным быстрым средством связи после телефона. Чтобы в более быстрые сроки о чём-то договориться, выразить благодарность, поздравить с каким-то событием, сделать отказ, принять предложение, оповестить о каком-то мероприятии, принести извинения чаще в деловых кругах используют электронную письменную коммуникацию, так как она в отличие от почтовых писем является быстрым и безопасным средством связи.

Электронное письмо – особая знаковая система. Оно построено при помощи вербальных и невербальных средств, взаимодействие которых способствует поддержанию норм, правил и стандартов, типичных деловому общению и поддерживает динамический характер письма. На наш взгляд, ключевым понятием для электронного письма является семиозис. Средства информационной связи – индексы, сигналы, знаки, символы, модели – формируют основания для поддержания коммуникационных каналов. Они необходимы для семиотизации виртуального пространства, которая заключается в присвоении электронной переписке синтаксических, семантических, прагматических, структурных и иных характеристик, способствующих её оформлению и распознаванию в качестве делового письма.

Для электронного письма характерны также конститутивные признаки, свидетельствующие о его принадлежности к виртуальному дискурсу: разделённость в пространстве и во времени; опосредованность (электронная переписка осуществляется при помощи технического средства); виртуальность;

электронный сигнал как канал общения; креолизованность; определённого синтаксиса и прочих графических средств выразительности; комбинация различных типов общения; передача эмоций, мимики, чувств с помощью «эмотиконов»; использование специфической компьютерной этики и т.д. Электронное письмо заключается в адаптации:

а) средств разговорной речи (ср: интонация, тон, громкость) к письменной форме, например, подчёркиванию, выделению текста цветом и большими буквами и т. д. (например: *SUPER!!!; Anbei die Antwort Visa-Dienst Berlin, Betreff Herr Musielak. Es kommt noch eine zweite Mail, senden wir gleich nach...*);

б) письменной речи к устной, присущей любой электронной переписке, которая предусматривает нарушение норм литературного языка, например:

Moskau zahlt nur für das Ticket für Maria (ja war nur ein Scherz) aber wenn es zu einem Auftrag kommt aus Kishinev.

Вместо названия компании поставлено многоточие с целью соблюдения конфиденциальности, содержащейся в данном примере информации.

Другой важной характеристикой электронного письма является его креолизованность, заключающаяся в использовании различных паралингвистических средств: рисунков, фотографий, а также шрифтов, различных цветов, графических символов и др., например, *Vielen Dank für Ihre Hilfe Olga :-)*. E-Mail-письма предоставляют больше технических возможностей, чем обычные письма. Их можно сопроводить интернет-ссылками, презентациями, видео, чтобы адресат мог ознакомиться с информацией.

В электронных письмах на сегодняшний день сформировался свой этикет общения (Netiquette). Netiquette произошло от английского слова Net (Netz) – сеть и французского etiquette (Etikette) – этикет.

Как правило, деловые письма начинаются как и личные письма, с приветствия. Обычными формами приветствия являются следующие клише – *Sehr geehrter Herr.., Sehr geehrte Frau.., Lieber Herr, Liebe Frau* [Der Deutsch-Knigge, 2008: 280]. Если письмо адресовано одновременно нескольким получателям, то в приветствии ставятся в определённой иерархии – сначала шеф, потом подчинённые (*Sehr geehrter Herr Dr. Nordkamp, sehr geehrter Herr Hansen, sehr geehrte Frau Meldorf*), или по половым признакам – женщины, а потом мужчины. Иногда в приветствии обобщают и просто пишут – *Sehr geehrte Damen und Herren, Liebe Geschäftspartner und Freunde* [Schnitzer, 2012: 227]. Далее располагается текст письма, в котором излагается вся суть обращения. В конце письма, как правило, пишется *freundliche Grüße*, а потом информация об отправителе.

В электронных письмах также немало внимания уделяют правописанию и грамматике. В отличие от писем почтового формата, в электронных письмах допускают отправители мало ошибок, это происходит благодаря техническим данным. В проведённом J. Runkehl анализе E-Mail-корреспонденции отмечено, что только 14% писем содержат орфографические ошибки [Dittmann, 2015: 4].

Таким образом, немецкая деловая коммуникация представляет особый интерес для изучения. Деловая коммуникация является одним из видов речевого взаимодействия. Деловая коммуникация в каждой стране обладает своими ритуалами, своими нормами и правилами. Немецкая письменная деловая коммуникация отличается лаконичностью, соблюдением языкового порядка, строгим соблюдением градуированности статусов коммуникантов. Что касается писем, содержащих извинение, то они построены согласно всем правилам немецкого делового общения и содержат все основные элементы немецкого делового E-Mail-письма.

* *Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №16-34-00014a1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа»*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие [Текст] / В.Б. Кашкин, – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева, – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Льюис, Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе от столкновения к взаимопониманию: Пер с англ. [Текст] / Р.Д. Льюис. – М.: Дело, 2001.
4. Куликова, О.В. Прагматика бизнес-коммуникации в среде Интернет [Текст] / О.В. Куликова // Вест-

ник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 14 (647). – С. 108–128.

5. Трофимова, О.В., Купчик, Е.В. Основы делового письма: учебное пособие [Текст] / О.В. Трофимова, Е.В. Купчик. – М.: Флинта. Наука, 2010 – 304 с.

6. Формановская, Н.И. Ритуалы вежливости и толерантность [Текст] / Н.И. Формановская // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: колл. монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. – С. 345–362.

7. Шлёпкина, М.А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе [Текст] / М.А. Шлёпкина // Современная филология: мат-лы междунар. науч. конф. – Уфа, 2011. – С. 222–227

8. Der Deutsch-Knigge. Sicher formulieren, sicher kommunizieren, sicher auftreten. Mannheim, 2008. – 478 s.

9. Dittmann Jü. Konzeptionelle Mündlichkeit in E-Mail und SMS. Bari_Druck_Text&Lit.doc Fassung. 10.08.2015. – 27 s.

10. Duden online [Электронный ресурс] // Wörterbuch. – Режим доступа: <http://www.duden.de/woerterbuch>

11. Schnitzer C.-V. Linguistische Aspekte der Kommunikation in den neueren elektronischen Medien SMS – E-Mail – Facebook. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. München, – 2012. – S. 207–317.

12. Siever Th., Schlobinski P., Runkehl J. Websprache. net. Berlin – New York, 2005. – 338 s.

Материал поступил в редакцию 27.12.17.

NATIONAL PECULIARITIES OF THE GERMAN BUSINESS WRITTEN E-MAIL COMMUNICATION

Yu.G. Gorpennikova, Linguist-Lecturer

Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University (Rostov-on-Don), Russia

Abstract. *The aim of the article is the study of the national features of business E-Mail communications in German linguistic culture. The article gives the definition of "electronic communication". The paper also examines the linguistic features of the emails. Business communication occupies a leading position in the field of the study of communication. Business communication is subject to certain rules of writing letters. The article provides examples found in German business letters. Business letters in German language have a certain structure, certain semiotic, syntactic and lexical means. The paper first discusses the national features of the German business e-mail communication containing apologies.*

Keywords: *interaction, communication, business communication, e-mail, national manner, semiosis.*

УДК 81'26 + 81'0

МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Г.И. Исина¹, А.В. Трунова²¹ доктор филологических наук, профессор, ² магистрант
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена явлению когнитивной метафоры как средства познания и отображения мира. Обосновывается актуальность процессов метафоризации на современном этапе и рассматривается схема их протекания. Описывается ее структура и функции в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концепт, концептуализация, моделирование, структура, функция.

Развитие современной лингвистики требует междисциплинарного подхода к решению различных научных проблем. Лингвистика середины 20-начала 21 вв. – это отрасль, пересекающаяся с антропологией, психологией, теорией искусственного интеллекта и другими науками. В рамках когнитивного подхода междисциплинарность знания позволяет добиться наиболее объективных результатов в исследовании языка как когнитивного механизма человека. Несмотря на многочисленные исследования особенностей языка в когнитивном плане, многие аспекты концептуализации остаются неизученными.

Последние несколько десятилетий когнитивная лингвистика серьезно занималась исследованием метафоры. Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова и др.) рассматривает данное явление не просто как способ украшения речи, а как основную ментальную операцию, как метод познания, структурирования и объяснения мира [1, с. 30].

В исследованиях казахстанских ученых-когнитивистов метафора представляется как сложное многоаспектное явление, требующее всестороннего изучения. К примеру, А.С. Сыбанбаева определяет роль и функции когнитивной метафоры в национальном научном языке. Г.А. Сейдуллаева изучает метафору в структуре дискурса пресс–рекламы, Г.О. Дюсенбаева раскрывает метафорический потенциал глаголов физического движения человека в русском языке. Каждый учёный сегодня предлагает свое толкование метафоры, наделяя её всё новыми функциями и предлагая новые методы её изучения.

Теория когнитивной метафоры или теория метафорического моделирования действительности как новое научное направление стало активно развиваться в рамках когнитивной лингвистики благодаря подходу Лакоффа–Джонсона к метафоре как к явлению языка и когниции. Согласно данной теории, метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума; человек использует метафоры не только для выражения своих мыслей, но и в самом процессе мышления, создаёт при их помощи тот мир, в котором он живёт и действует [3].

В отличие от классической теории, интерпретирующей явление метафоры как средство художественной выразительности, когнитивная наука рассматривает данный феномен как инструмент концептуализации. Иными словами, основу метафоры в её когнитивном понимании составляют не лексические значения слов, а концепты, представляющие собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [6, с. 289].

Метафоры как языковые выражения существуют в понятийной системе человека. «Концептуальная метафора – это абстрактный способ интерпретации одних понятий в терминах других. Эти способы интерпретации зафиксированы в сознании носителей языка» [5, с. 6]. В этой связи все метафоры в когнитивной лингвистике разделяют на три группы:

1. Структурные метафоры: один концепт выражается в рамках другого. К их числу относятся такие метафорические проекции как *Argument is war* (Спор – это война), *Time is money* (Время – деньги), *Life is a journey* (Жизнь – это путешествие) и др.

2. Ориентационные метафоры: структурирование одного концепта по отношению к другому

в рамках пространства. Как известно, множество понятий связано именно с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «перед – зад» и т.д. Несмотря на то, что подобного рода противопоставления имеют физическую природу, образованные на их основе ориентационные метафоры могут изменяться в зависимости от культуры. Например, в одних культурах будущее означает нечто, находящееся впереди нас, а в других – позади нас (в частности, в индейских племенах, у аборигенов Австралии).

3. К онтологическим метафорам относятся те, которые позволяют представлять нематериальное (напр., события, действия, эмоции, идеи), как некую субстанцию (*the inflation is an entity, the mind is a fragile thing*) [3].

Метафора, как и любое другое явление, выполняет ряд функций. Когнитивная роль метафоры заключается в обработке информации и является следствием познавательной деятельности, т.е. «дешифровки, объяснения, интерпретации, анализа, приводящих к пониманию текстового сообщения, установлению его смысла и «обертонов» и «приращений смысла» [4, с. 39]. Данная функция была более подробно изучена А.П. Чудиновым и описана в труде «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)». Он выделил несколько разновидностей когнитивной функции:

1. Номинативно-оценочная функция: метафора может выступать в качестве способа создания названий для новых, пока еще «безымянных» реалий, например, «перестройка». Но значительно чаще метафора используется для обозначения уже существующего понятия, по тем или иным причинам не устраивающего автора.

2. Моделирующая (схематизирующая) функция: метафора даёт возможность создания некой модели реальности при помощи системы концептов, относящихся к совершенно другой понятийной области. Таким образом, данная ситуация воспринимается как нечто знакомое, и получает соответствующую оценку, основанную на ранее приобретенном опыте [7, с. 60].

3. Инструментальная функция: метафора помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о мире, то есть выступает как своего рода инструмент мышления.

4. Гипотетическая функция: метафора позволяет субъекту получить представление о чем-то ещё не до конца осознанном, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта [9, с. 61].

Следует отметить, что данные функции не являются автономными и тесно переплетаются между собой.

Итак, согласно теории когнитивной метафоры, метафора – это не украшение языка, а инструмент, упорядочивающий нашу понятийную систему. Концептуальная метафора даёт возможность понять чрезвычайно сложные ситуации, феномены и абстрактные понятия. Сегодня человечество ориентировано главным образом на постижение мира идеального, духовного, где на первый план становятся не-фигуративные понятия. Так, на современном этапе большая часть концептуальной системы посвящена осмыслению международных отношений, войны, социально-экономических вопросов, политических дебатов, где избежать метафорического мышления невозможно.

Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым не случайно, поэтому один из главных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального – к духовному. С когнитивной точки зрения процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче информации, или знаний между двумя концептуальными областями или полями: сферой-источником и сферой-мишенью. Как правило, сфера-источник основана на опыте человека, реалиях общества и, соответственно, доступна для всеобщего понимания, в то время как сфера-мишень является абстрактной, малопонятной. Таким образом, сфера-источник способствует лучшему восприятию и осмыслению понятия, заложенного в сфере-мишени. То есть, «... когнитивные метафоры переводят одну концептуальную сферу в другую» [2, с. 23].

Из вышесказанного можно заключить, что когнитивное исследование метафоры является сегодня одним из приоритетных направлений когнитивной лингвистической науки. В рамках языкознания метафора более не рассматривается как объект изучения в качестве средства украшения языка, но как средства отражения качеств и свойств объектов, наиболее значимых и культурно обусловленных для того общества, в языке которого данный троп существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев – Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16–32.
2. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Наука, 1998. – 188 с.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем. / Дж. Лакофф и др. – Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Перескокова, А.Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских СМИ. / А.Ю. Перескокова – Дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 248 с.
5. Скиба, М.Е. Концепт «Идеология» в американском языковом сознании. / М.Е. Скиба – Автореф. дис. Канд. наук. – Н. Новгород: Деком, 2003. – 16 с.
6. Степанов, Ю.С. Слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. / Ю.С. Степанов – Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 288–306.
7. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). / А.П. Чудинов – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2001. – 238 с.

Материал поступил в редакцию 15.11.17.

METAPHOR AS AN OBJECT OF STUDY OF COGNITIVE LINGUISTICS

G.I. Isina¹, A.V. Trunova²

¹ Doctor of Philological Sciences, Professor, ² Master's Degree Student
Karaganda State University named after academician E.A. Buketov, Kazakhstan

Abstract. *This article is devoted to the phenomenon of a cognitive metaphor as a way of conceiving and presenting the world. The relevance of processes of metaphorization at the present stage is proved and the scheme of their course is considered. Its structure and functions within cognitive linguistics is described.*

Keywords: *cognitive metaphor, concept, conceptualization, modelisation, structure, function.*

УДК 81`27

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИОЛЕКТА «KANZLEISPRACHE»

Д.А. Петренко¹, К.К. Соловьева²

¹ кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии

² обучающаяся кафедры немецкой филологии

Институт иностранной филологии, Таврическая академия (СП)
ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» (Симферополь), Россия

***Аннотация.** Норма языка уже на протяжении многих лет является главным объектом лингвистических исследований. Современная лингвистика уже на протяжении многих лет изучает вопрос не только о территориальном, но и о социальном распространении языка. Понятие объективной языковой нормы соотносят с понятиями системы и структуры языка. Современные лингвисты полагают, что язык стоит рассматривать как систему условных средств, а речь, в свою очередь, – как форму существования данной системы. Исходя из наблюдений, носители языка имеют неосознанное представление о норме и о допустимых различиях в реализации фонологических оппозиций.*

***Ключевые слова:** социолект, немецкий язык, канцелярит, языковая норма, лингвистика, социолингвистика, Kanzleisprache.*

Развитие теории и истории литературных языков, разработка проблем диалектологии, ареальной лингвистики и социолингвистики раскрыли разнообразие реальной языковой действительности и форм функционирования языка [6]. Понятие объективной языковой нормы соотносят с понятиями системы и структуры языка. Современные лингвисты полагают, что язык стоит рассматривать как систему условных средств, а речь, в свою очередь, – как форму существования данной системы [6]. Норма языка уже на протяжении многих лет является главным объектом лингвистических исследований. Исходя из наблюдений, носители языка имеют неосознанное представление о норме и о допустимых различиях в реализации фонологических оппозиций [7].

Интересно отметить, что в немецком языке вновь стали активно использовать такое языковое явление, как «канцелярит», который все чаще проникает в среду широкого употребления, деформируя разговорную речь и литературный стиль.

Современная лингвистика уже на протяжении многих лет изучает вопрос не только о территориальном, но и о социальном распространении языка [8]. Отечественные и зарубежные языковеды посвящают свои научные труды данному вопросу. Они обращают свое внимание на проблему распространения и дифференциации современных социалектов, которые активно употребляются в речи носителей немецкого языка на территории современной Германии [9]. Хотелось бы отметить, что именно в научных трудах отечественных языковедов, таких как А.Д. Петренко, Л.И. Прокоповой, В.М. Жирмунского, Л.П. Крысина, В.Д. Бондалетова, Л.В. Щербы можно найти полный анализ современных социалектов немецкого языка.

На базе научной школы социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А.Д. было проведено достаточное количество научных исследований, которые внесли существенный вклад в теорию стилей, в том числе и произносительных, в разработку теории социолектологии, гендерной проблематики на различных уровнях языковой системы, в изучение проблем билингвизма, диглоссии, языковой ситуации в разных регионах мира. Так опираясь на труды, изданные научной школой социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А.Д., понятию «социолект» можно дать следующее определение, это своего рода социолингвистическая компетенция, которая распространяется на способность индивида понимать и употреблять социально окрашенные формы и варианты [6, 7]. Представители различных социальных групп, как правило, используют только те или иные слова и выражения и избегают, воздерживаются от других. В свою очередь Бухаров В.М. считает, что норма – это выбор языковых манифестантов, которые соответствуют определенным условиям и обеспечению их реализации в соответствии с требованиями того или иного типа коммуникативной ситуации, где выделяет два типа нормы систему чистых форм и узус [2].

Очевидно, что кроме языковой нормы, в каждом языке также существуют и определенные типы лексем. В первую очередь выделяют общенародную лексику и лексику ограниченного употребления. Под общенародной лексикой принято понимать – совокупность определенных слов, употребление которых будет свойственно всем говорящим на том или ином языке и не ограничено какой-либо территорией, профессией или социальным статусом [3]. Что касается второго варианта лексики, то ее употребление будет ограниченным, как правило, в силу различных экстралингвистических факторов.

Так к лексике ограниченного употребления принято относить:

- диалектизмы;
- жаргонизмы;
- специальные слова.

В целом современные лингвисты выделяют следующие основные типы лексики:

- 1) лексика устной речи (разговорная, просторечная);
- 2) лексика письменной речи (книжная, торжественная, официально-деловая, научная);
- 3) профессиональная или специальная лексика;
- 4) общеупотребительная лексика;
- 5) диалектизмы;
- 6) жаргонизмы;
- 7) неологизмы;
- 8) историзмы или архаизмы.

Профессиональной же лексикой принято считать ту лексику, которая будет свойственна определенной профессиональной группе [1]. В качестве примера, хотелось бы привести так называемый профессиональный язык государственных служащих «Kanzleisprache». В целом, принято различать три подстиля официально-делового стиля:

- 1) официально-деловой (или канцелярский);
- 2) юридический («язык законов»);
- 3) дипломатический.

Так, в ходе исследования были выявлены следующие характерные черты для «юридического» языка:

- 1) Слишком длинные и не всегда согласованные предложения. «Die Berechtigung für einen Antrag zur Rückzahlung der unzulässig berechneten Kosten...», когда предложение могло звучать иначе «Sie können einen Antrag stellen, damit die unzulässig berechneten Kosten zurückgezahlt werden»;
- 2) Плеоназмы. Die Zukunftsprognose – Prognose bedeutet schon irgendeine Aussage über Ereignisse in der Zukunft;
- 3) Частое употребление устаревших слов. Vorgenannt - vorher genannt, oben genannt, jemandem etwas aufgeben - anordnen, beauftragen, bitten;
- 4) Употребление терминов и слов из иностранных языков. Feedback – Rückmeldung, Administration – Verwaltung, Billigkeitsmaßnahme – Ratenzahlung oder Stundung;
- 5) Сокращения. OWiG – Ordnungswidrigkeitengesetz (OWiG), ZVG – Gesetz über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung (ZVG);
- 6) Длинные и сложные слова. Kindertagesstättenmindestgebühr – Mindestgebühr für die Kindertagesstätte, Unterhaltsvorschussleistung – Unterhaltsvorschuss.
- 7) Длинные и сложные «цепочки» из существительных. «Antrag auf Aufhebung des Bescheides des Ordnungsamtes über die Beseitigung...».

Подводя итоги, можно предположить, что собранный и проанализированный материал мог бы стать в дальнейшем базой для проведения дальнейших, более расширенных исследований. Актуальность «Kanzleisprache» обусловлена тем, что данный вариант социолекта является мало изученным и в связи с расширением, например, торгово-экономических границ в мире, он мог бы оказаться полезным, так как большинство торговых контрактов и сделок составляются именно на так называемом профессиональном языке. Вследствие чего активно развивается профессиональная лексика и появляется особый тип единиц социолекта, которые будут приспособлены для удобной коммуникации специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Бухаров, В.М. Кластер в полицентрическом языке. / В.М. Бухаров // Научный журнал «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова» – Нижний Новгород. – 2012. – С. 21-28.
3. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. / Т.В. Жеребило – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010.
4. Жирмунский, В.М. Проблема социальной дифференциации языка. – Язык и общество / В.М. Жирмунский – М.: Наука, 1968. – 256 с.
5. Михаленко, А.О. Deutsche Sprache – История немецкого языка и языкознания. – Железногорск, 2010.
6. Петренко, А.Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. – Под ред. А. Д. Петренко – Коллективная монография. – Москва, Изд-во «Перо», 2015. – 491 стр.
7. Петренко, А.Д., Петренко Д.А. Социофонетические аспекты языковой вариативности. / А.Д. Петренко, Д.А. Петренко // Научный журнал «Известия Южного федерального университета» — Ростов на Дону: ЮФУ. – 2014. – № 4. – С.150-157.
8. Петренко, Д.А. Развитие норм произношения немецкого языка за последние сто лет. / Д.А. Петренко и др. // Научный журнал «АПРОБАЦИЯ» — Махачкала. – 2017. – № 3-1 (54). – С.55-58.
9. Петренко, Д.А. Особенности функционирования немецкого языка в Республике Намибия. / Д.А. Петренко и др. // Научный журнал «Вестник науки и образования» – Москва. – 2017. – № 6 (29). – С. 71-74.
10. Филичева, Н.И. История немецкого языка. / Н.И. Петренко – М.: Изд-во Московского университета, 1959.

Материал поступил в редакцию 07.12.17.

LANGUAGE NORM AND CURRENT STATE OF SOCIOLECT "KANZLEISPRACHE"

D.A. Petrenko¹, K.K. Soloveva²

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of German Philology,

² Student at the Department of German Philology, Institute of Foreign Languages
Taurian Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky (Simferopol), Russia

***Abstract.** The language norm has been being the chief object of linguistic research for many years. The modern linguistics has been studying the question not only territorial but also social distribution of language for many years. The concept of objective language rules is correlated to the concepts of system and structure of language. Modern linguists believe that language should be considered as the system of conditional means, and the speech, in turn, – as a form of existence of this system. Proceeding from observations, native speakers have an unconscious vision of norm and allowed differences in the realization of phonological oppositions.*

***Keywords:** sociolect, German language, officialese, language norm, linguistics, sociolinguistic, Kanzleisprache.*

УДК 80

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЯ ВИДОВ ЛЕПЕШЕК (НОН) В ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

С. Рахматуллозода, доктор филологических наук, член-корреспондент АН РТ, директор
Институт языка и литературы
им. Абуабдулло Рудаки (АН РТ), Республика Таджикистан

***Аннотация.** В словарном составе южных и южно-восточных говоров таджикского языка существуют различные слои лексики. Одним из основных пластов словарного состава данных говоров, сопровождавших народ в период своего существования, являются термины, связанные с разновидностями названий хлеба. Концептологическое исследование именно этого пласта словарного состава данных диалектов является важной научной задачей. И именно такое исследование показывает, что словарный состав этого пласта тесно связано с традиционными ценностями, относящимися к приготовлению разнovidной кулинарии: необходимые продукты для выпечки хлеба, рецепты приготовления теста и хлеба в этом процессе, которые появились в обычаях и культуре на протяжении тысячи лет образованы разными морфологическими способами. Именно простые слова, связанные со словом «хлеб», являются словообразовательной основой для появления сложных слов и терминов-словосочетаний. В образовании производных лексем важную роль играют такие суффиксы как -ак// -ък, -акӣ, -а, -ча, -ӣ // -гӣ.*

***Ключевые слова:** лексика, названия хлеба, диалект, словарный состав, таджикский язык.*

В области лингвистических и культурологических изысканий в последнее десятилетие все более явно выходят на передний план концептологические исследования и основным понятием выступает понятие концепт. В настоящее время концептология и лингвоконцептология занимаются рассмотрением концептов в культурном и языковом материале и этой проблемой занималось множество авторов, в том числе Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Н. В. Гришин, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Л. Б. Никитина, М. В. Пименова, В. Н. Телин, И. А. Стернина, А. А. Залевская, А. П. Бабушкина, Г. Г. Слышкина, В. П. Нерознак, С. Х. Ляпин, В. В. Воробьев, В. Н. Базылева, З. Мирзоева и многие другие. Однако, несмотря на растущее количество различных монографических, учебных и методологических работ в этой области, проблемы, касающиеся понятия «концепта», не уменьшаются, а набирают популярность и остаются актуальными по той простой причине, что концепт безусловно связан с культурой, он является частью человеческого сознания, сигнификатом которого выступают различные лексические единицы.

Слова и продовольственные термины в лексической системе южного и юго-восточного говоров занимают заметное место. Среди мучных изделий и зерновых провизий в количественном плане и с лексико-морфологической точки зрения, преобладают термины, связанные с видами лепешек. Авторы книги «Шеваи чанубии забони тоҷикӣ» [5, с. 136] дают подробную информацию о проделанных работах в этом направлении и, рассматривая различные виды названия лепешек, имеющие диалектные свойства, проводили важное лексическое и лексико-морфологическое исследование и справедливо констатируют, что слова, употребляемые для выражения видов хлебов, не являются по морфологической структуре одинаковыми. В этом плане, существует очень ограниченное количество простых терминов. Однако, встречается большое количество производных и сложных слов [5, с. 142]. В действительности, хлеб является одним из жизненно важных продовольственных компонентов для человека, и, в силу этого, хлебные изделия именовались различными видами и названиями. Слова и термины, связанные с названиями и видами мучных изделий, имеют различные словообразовательные модели, то есть они образованы различными путями. С точки зрения лексических особенностей, названия видов хлеба связаны с внешней формой (тонкость, плотность), ингредиентами, качеством, сортом муки, наличием дрожжевого теста и методом выпечки хлебных изделий. По морфологической структуре, названия мучных изделий бывают простыми, производными и сложными. Встречаются и такие названия, которые имеют форму термина-словосочетания. Отдельные термины лексиколизировались, так как их составные морфемы не поддаются раскрытию синхронным анализом. Вместе с тем, основные

значения этих слов и терминов не имеют никакого отношения ко всему процессу изготовления хлебных и мучных изделий, и эти термины выступают в предложениях в лексиколитературной форме. К таким лексемам можно отнести следующие термины, употребляющиеся при названии 9 видов хлеба, которые охватывают, с точки зрения применения, различные зоны, например, такие виды хлеба, как: **какънди** (отрубный хлеб для скота); **кълесък** (просяной хлеб); **гавакú** // **ѓавокú** // **ѓовокú** (фатир, один из видов хлеба, который имеет сходство с пресным тестом), **кумоч** (хлеб, который выпекают на пастбище) в основном свойственны северным говорам Куляба, в то время как в вахиинско-каратегинской группе говоров, Каратегина и севера Куляба общее применение имеют следующие виды хлеба: **ќоќоќú** (суманак, который изготавливается в тануре в виде лепешки), **къмоч** (кумоч – хлеб, изготавливаемый чабанами под огнем на пастбище), **сатрú** // **сатърú** (хлеб, изготавливаемый из кукурузной муки и проса).

При образовании отдельной категории слов и терминов выражающих названия сортов хлеба, суффиксы **-ак**//**-ък**, **-акú**, **-а**, **-ча**, **-ú** // **-гú** выступают в качестве вспомогательных словообразовательных морфем. В наименовании 11 сортов хлеба, основным словообразовательным элементом, выступают термины, связанные с различными хлебными признаками и свойствами: **сустак** // **състак** (Ск.) // **състак** (Вк., Вандж); **гармак** (К.); **новардънк** // **новардунк** (Юк., Рог); **мърѓакú**//**мурѓакú** (Ск., К.); **пъштак** (Ск.) // **пуштак** (К.); **пъштакú** (Зк. Ск.) // **пуштакú** (К.) // **пъшткú** (Вк.); **тънкú** (Ск.); **нунча** (Вк.); **хамирú** (Рог.), **чавú-ячменная**(Ск.); **заѓораѓú**// **зъѓораѓú**- хлеб из просяной и кукурузной муки (Вк. К., Дарв.); **гирда** (Вк., К.) // **ѓрдача** // **гирдача** – **сдобная лепешка** (Вк., К.). Относительно гирда // ѓрдача // гирдача и этимологии слова “хамирмо” – дрожжи подробно останавливает профессор Г. Джураев, [3, с. 140-141]. Термин “гирда” как один из видов хлеба имеет древнюю историю, и он имеет свое отражение в классической литературе, в том числе в произведениях Дж. Балхи. [1, с. 167].

Об употреблении некоторых из этих видов в тагновском диалекте пишут Н. Гадов [2, с. 70] и Х. Мухаммадиева [4, с. 60], что является важным фактором для распространения этих лексических единиц на обширной территории различных говоров. Слово “хамирфатирú” (Вк.), которое означает один из видов хлеба, образовалось по модели имя + имя + суффикс **-ú** и имеет две ступени словообразования (о ступени словообразования см. [9, с. 28]).

Образование различных сортов хлеба согласно копулятивной модели сложных лексем не является продуктивным методом, и свидетельством тому является наличие небольшого количества слов: **кумочказон** (Вк.) один из видов хлеба, тесто такого хлеба расставляют внутри казана или сковородки, после чего сковородку с тестом для выпечки закаливают огнем; **чапчп** (К.) один из тонких видов лепешки.

Образование лексем, связанных с названиями видов хлеба по модели детерминативных сложных слов, не носит активный характер: **нимнуна** (К.) один из видов очень тонкого хлеба; **хамирфатир** // **хамфатир** // **фатирхамир** // **фъртирхамир** (Юк.) фатир – вид хлеба, который изготавливается без применения дрожжей; **хасфатир** (К.) фатир – лепешка, при выпечки которой не используют дрожжевое тесто; **ќатќатфатир** (Ск.) фатир, слоеный со сливочным маслом; **пасбанд** (К.) последняя лепешка, испеченная в тануре; **чойкълча** (Вк.) небольшая округленная лепешка, которая изготавливается с маслом и молоком.

Слово **нонборъш** (Ск.) означает различные виды хлеба и продовольствия. Употребляется с глаголом **шудан**: **йачо меъмон рафтем, ки ба (баъд) нонборъш шид были в гостях в одном месте, где был накрыт обильный дастархан** (Кд.). Данное слово по образованию отличается от вышперечисленных терминов. В этом случае суффиксом **-ъш** (–иш) на основе слова **бор** (осн. наст. вр. гл. **боридан** – сыпаться, литься) образовано существительное **боръш** и впоследствии из двух существительных – **нон**(хлеб) и **боръш** (выпадение) сформировалось новое слово, которое входит в группу сложных детерминативных существительных. Примеры в предложениях: **шакаров-а ай хасфатир менú-ву у-ра да руѓан мехели-ш -шакароб изготавливают из кусков свежее выпеченной лепешки и смешивают его с маслом** (Каъ.); **нимнуна ай ѓрдача нафистар мешава – нимнуна бывает намного тоньше по сравнению с ѓрдача** (Сам.); **кумочказон мехърú? – кумочказон хочешь?**

Частым явлением является то, что для выражения различных видов хлеба используются термины-словосочетания. Их названия связаны с продуктами, используемыми при выпечке хлеба (1) с технологией выпечки (2) и внутренними и внешними видами хлеба (3).

1. Лепешки готовят в зависимости от образа жизни и социально экономических условий из различных продуктов. Известно, что хлеб выпекают в основном из пшеничной муки. Однако, в случаях

необходимости, особенно при возникновении засухи и неурожая, а также других непредвиденных аномальных явлений и стихийных бедствий возможно изготовление хлеба из других видов растений, в силу чего существуют различные виды и названия хлеба. Просо, отруби, ячмень, кукуруза – это небольшой перечень тех зерновых культур, из которых в случаях необходимости можно изготавливать муку для изготовления хлеба. В этой связи существуют соответствующие термины, которые выражают виды происхождения муки: **орди арзану́** – просяная мука (К.); **орди дърушак** (Вк., Вандж) твёрдая мука; **орди чаву́** – ячменная мука (Вк., Дарв.); **ордичавъару́** (К.); **орди макаи́** (Юк., Ск.); **орди макачаъвару́** – кукурузная мука (Ск.). Помимо этого, в процессе изготовления хлебных продуктов, используются молоко, масло, лук, и т.п. В большинстве случаев названия сортов хлеба указывают и на наличие упомянутых ингредиентов. Поэтому, встречается большое количество терминов, по модели термин-словосочетание, где определением служат простые, производные и сложные слова. Под этим определением уточняется вид хлеба. В производных словах в основном участвуют суффиксы **-й // -гй** (**арзану́** – просяная, **чаву́** – ячменная, **чугору́ // чаъваригу́** – кукурузная), **-ин** (**чавин** – ячменная) и **-ак** (**холхолак**-светлая). Сложные детерминативные термины образованы по модели имя существительное + глагол (**пийоздор** – имеющий лук, **чазакдор** – имеющий кусочки салы). Некоторые из них образованы по модели термин-словосочетания и свойственны исследуемым нами говорам: **кълчайи арус** (К.) особая кулча, приготавливаемая с добавлением молока и масла; **кълчайи суманак** (Вк., К.) кулча, изготавливаемая из суманака; **нуни хамир** (К.) готовое тесто, выпекаемое с закваской; **нуни нимбезу́**(К.); хлеб, содержащий отруби; **нуни кунуку́** (Вк., К.) хлеб, который готовят из муки кукнок; **кълчайи холхолак** (К.) один из видов кулчи, для изготовления которого используют масло и молоко; **кълчайи ширмолу́**(К.) сдобная кулча, приправленная каймаком; **нуни обу́** (К.) не домашняя лепешка; **фатири пийоздор** (К.) фатир с мелкими нарезанными кусками лука.

Некоторые виды этих названных лепешек являются общеизвестными для всех жителей Таджикистана: **нуни чаву́; нуни чуору́; нуни арзану́; загорайи арзану́; зъгорай чаъваригу́; фатири чавин; фатири чазакдор.**

2. Метод названия видов хлеба по технике приготовления является непродуктивным. В образовании таких терминов употребляется суффикс **-у́/-гй**: **нуни дегу́** хлеб, который изготавливают в котле; **нуни товагу́** (Хов.) хлеб, выпекаемый на каменной сковороде; **кълчайи тагалову́** – лепешка, выпекаемая в пепле огня, имеет также синоним **кумоч** (В., К.).

3. Нередко названия видов хлеба, непосредственно связаны с внешними и внутренними признаками хлеба: **нуни тьньк** (Хов.) – тонкая лепешка – синоним «**чапоту́**»; **нуни сатру́** (Вк.) хлеб, который из-за заквашивания теста не держится в стенах танура; **нуни хол-холак** (Хов.) один из видов лепешки; **нуни чапоту́** (К.) лепешка чапоти – синоним чапоту́; **нуни фатир** – лепешка **фатир** (К.) синоним хлеба, испечённого из пресного теста; **фатири курак** (Ск., Зк.) фатир без добавления масла.

Существуют и другие термины, относящиеся к этой группе, которые образовались по модели производных слов с помощью суффиксов **-ак//ък** и по модели сложных слов: **мъштак** (Ск.) // **мъшък** (Вк.) малое количество зерна для муки; **хърошак** (Вк.), **хърошък** (Ск., Дарв.) прилипчивое тесто на дне карсона; **чъфтак** (К.) // **чуфтак** (Зк.) не размельченный пшеничный колос; **севак** (Вк., К., Вандж) кусок теста для выпечки одной лепешки; **дъстмольк** прилипшие остатки теста в посуде (Хидж., Яр.); **пасорду́** (Лажш) // **пасгард** // **пасбода** (Ск.) оставшая мука, вокруг мельничных жернов.

Таким образом, слова и термины, выражающие названия сортов хлеба занимают особое место в южных и юго-восточных говорах таджикского языка, их наименования тесно связаны с обычаями и культурой носителей языка, то есть с возделыванием продуктов, используемых при изготовлении хлеба, с технологией выпечки, внутренними и внешними видами хлеба. В качестве вспомогательных словообразовательных морфем при образовании большинства слов и терминов выражающих названия сортов хлеба, выступают суффиксы **-ак//ък, -аку́, -а, -ча, -у́ // -гй.**

СПИСОК АББРЕВИАТУР

- Ск. – Север Куляба
- Вк. – Вахиинско-каратегинская группа
- К. – Каратегин
- Юк. – Юг Куляба
- Зк. – Запад Куляба
- Дарв. – Дарваз
- Кд– Кўлдара
- Хов.– Ховалинг

Зк. – Запад Куляба
Хидж. – Хичборак
Яр. – Ярхаб

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бӯризода, Ш. Чашмандозе ба ганҷинаи забони “Маснавии маънави” и Ҷалолиддини Балхӣ / Ш. Бӯризода. // Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ – Душанбе: ҷопхонаи Донишгоҳи омӯзгорӣ. – 1998. – №4. – С. 162–168.
2. Гадоев, Н. Лексикаи лаъҷаи Тағнов / Н. Гадоев. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 208 с.
3. Мирзоева, З. Концепт “хлеб/нон” в русском и таджикском языках / З. Мирзоева. – АКД: Душанбе, 2016. – 25 с.
4. Муҳаммадиева, Ҳ. Қайдҳо оид ба баъзе хусусиятҳои лексикаи нонвой. / Ҳ. Муҳаммадиева // журн. Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш. – 1980. – С. 60–66.
5. Неменова, Р.Л., Ҷӯраев Ғ. Шеваи ҷануби забони тоҷикӣ, (фонетика, лексика) / Р.Л. Неменова, Ғ. Ҷӯраев. – Душанбе: Дониш, 1980. – Ҷ. 1. – 328 с.
6. Неменова, Р.Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). / Р.Л. Неменова – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1956. – 191 с.
7. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
8. Раҳматуллозода, С. Словообразования имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка / С. Раҳматуллозода. – Душанбе: Дониш, 2016. – 231 с.
9. Хоркашев, С. Ташаккули таркиби луғавӣ ва калимасозӣ / С.Хоркашев – Душанбе: “Сабрина-К”, 2014. – 105 с.

Материал поступил в редакцию 14.12.17.

THE CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE NAME OF TYPES OF FLAT CAKES (BREAD) IN THE SOUTHERN AND SOUTHEAST DIALECTS OF TAJIK LANGUAGE

S. Rakhmatullozoda, Doctor of Philological Sciences, Corresponding Member, Director
Rudaki Institute of Language and Literature (Tajik Academy of Sciences) (Dushanbe), Republic of Tajikistan

***Abstract.** There are different layers in the vocabulary of the Southern and Southeastern dialects of the Tajik language. One of the main layers of the vocabulary of these dialects accompanied the people during their existence, are the terms associated with the names of the varieties of bread. Conceptual study of this layer of the vocabulary of these dialects is an important scientific task. This study shows that the vocabulary of this formation is closely associated with traditional values pertinent to the preparation of various cooking: necessary products for making bread, recipes for dough and bread in that process, which appeared in the customs and culture for thousands of years formed by different morphological methods. It's the common words associated with the word "bread" is the derivational basis for the emergence of difficult words and term phrases. Such suffixes as ak // -'k, -aku, -a, -cha, -u // -gi play the important role in the formation of derived lexemes.*

Keywords: *vocabulary, names of bread, dialect, lexis, Tajik language.*

UDC 801.53

ON THE QUESTION OF COLLECTIVE FAMILY NAMES IN BULGARIAN

I.G. Iliev, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
 Kardzhali Branch of Plovdiv University, Bulgaria

Abstract. This article examines several types of collective nouns in the Bulgarian language and its dialects that are formed with the morphemes *-ovi/-ini*, *-ovci*, *-ovceh*, *-ovcem*: *Ivanovi/Ivankini*, *Ivanovci*, *Ivanovceh*, and *Ivanovcem*. All of these mean 'the home and family of Ivan' (except *Ivankini* 'the home and family of Ivanka'), and represent different case variations on the same family name. The origin of the first type of family name in the list (*Ivanovi*, etc.) is the most difficult to explain, but in the second part of the article the author proposes an origin in the old masculine dative singular forms, which coincide with the forms of the possessive adjectives.

Keywords: collective nouns, family names, dative case, locative case.

1. On the variations of collective family names in Bulgarian

In the Bulgarian language and its dialects, several different types of collective family names are found. Without examining all of them, I will discuss those collective family names which are formed through agglutination with the morphemes *-ovi/-ini*, *-ovci*, *-ovceh*, *-ovcem* below.

A. Forms in *-ovi* and *-ini* of the type *Ivanovi* 'Ivan's place', *čičovi* 'my uncle's place', *Penkini* 'Penka's place', *babini* 'my grandma's place'

Bulgarian collective nouns can be formed from personal names (*Ivan* 'John', *Petâr* 'Peter') or kinship terms (*čičo* 'paternal uncle', *dyado* 'grandpa') through use of the suffix *-ovi*: *Ivanovi* 'the home and family of Ivan', *Petrovi* 'the home and family of Petâr', *čičovi* 'the home and family of my [paternal] uncle', *dyadovi* 'the home and family of my grandfather' (see examples below). In principal, the plural forms of *Ivan*, *Petâr*, *čičo*, *dyado* can be formed by adding the morpheme complex *-ovci*: *Ivanovci* '(two) Ivans', *Petrovci* '(many) Peters', *čičovci* '(two) paternal uncles', *dyadovci* '(four) grandpas', *moi vuykovci i moi čičovci* 'my maternal and paternal uncles' (BNT 1961: 194).

In some dialects, the plural forms of kinship terms of the type *čičo* 'paternal uncle', *dyado* 'grandpa', as well as the derived collective family names that come from them, are formed in a different way. In South Dobruzha, the plural form of the kinship term corresponds to the generally used collective form – the plural of *uyčo* 'uncle (maternal uncle)' is *uyčovi* 'uncles' (with reduction of the final vowel): *tvoiti dvama uyčovi* 'your two (Popivanov 1950: 174). The situation is the same in the dialect of the Bulgarian village of Kirsovo in Moldova: *d'ádu* 'grandpa' – *d'áduvi* 'grandpas' (Poltoradneva 1953: 92). These plural forms are modelled on nouns of the type *sinove* 'sons', for which *-ov* is part of the plural ending.

However, in the region of Botevgrad (Popivanov 1950: 174), the plural forms of these kinship terms are *čičéve* 'paternal uncles', *dedéve* 'grandpas', while the contrasting forms mean the entire family or the family home:

- pl. – *dedéve* 'grandpas' – but: *Hodih u dedóvi* 'I went to my grandpa's place';
- pl. – *čičéve* 'uncles' – but: *Čičóvi beha izlezle* 'my uncle's family had gone out'.

The forms *dedéve* 'grandpas' (preceded by the earlier form *dedi* 'grandpas, ancestors'); *čičéve* 'paternal uncles'; *vuykove* 'maternal uncles' are simpler and more basic than the derived plural forms *dyadovci* 'grandpas', *čičovci* 'paternal uncles', *vuykovci* 'maternal uncles'.

Analogous to the forms *čičovi* 'my uncle's place', *dyadovi* 'my grandpa's place', etc., collective kinship terms are also formed from female kinship terms like *lelya* 'aunt', *baba* 'grandma', etc.: *lelini* 'my aunt's place', *babini* 'my grandma's place'. Again, this type of noun can be formed from personal names as well: *Penkini* 'Penka's place'.

The list of collective familial nouns that can be formed from all words designating kinship terms quite long: *maykini* ‘my mother’s place’, *tatkovi* ‘my father’s place’, *kakini* ‘my elder sister’s place’, *batkovi* or *batyovi* ‘my elder brother’s place’, *vuyčovi* or *vuykovi* ‘my maternal uncle’s place’, *vuyhini* ‘my maternal uncle’s wife’s place’, *strinini* or *činini* ‘my paternal uncle’s wife’s place’, *svakovi* or *kalekovi* ‘my aunt’s husband’s place’, and many others as well, including dialect forms of Turkish origin (the number of which is even larger among Bulgarian Muslims). Following are some examples of usage of the aforementioned forms in context from Bulgarian literature and folklore (RBE 1977: 364, 441; 1979: 433-434, 496-497):

– *i dade poslednite si nareždaniya: da nahrani praseto ..., da otide do babini si* ‘... and [he] gave his last orders: to feed the pig ..., to go to [his] grandmother’s house’ (P. Spasov);

– *koga ideš, zetko, u babini ti, nisko da gledaš* ‘... when you go, son-in-law, to your grandmother’s place, keep your eyes down’ (folk song);

– *Târsi v Târnovo, târsi u baštini i* ‘Look in Târnovo, look at her father’s place’ (I. Vazov);

– *Mor, stoy, Todorki, počakay ... da ni v seloto zavedeš, v seloto u čičovi si, če setne u baštini si* ‘Wait, maiden, Todorka ... show us to your village, to your uncle’s home, and then to your father’s home’ (folk song);

– *Ey kâde sa vuyčovi – šte iztârča i šte se vârna* ‘There where my uncle’s place is – I’ll run there and I’ll return’ (G. Karaslavov).

One can also say in the same manner: *Otivam u Ivanovi/Otivam do Ivanovi* ‘I am going to Ivan’s place’; *Idvam ot Ivanovi* ‘I am coming from Ivan’s place’, although a simpler way to say is: *Otivam u Ivan/Otivam do Ivan* ‘I am going to Ivan’s place’; *Idvam ot Ivan* ‘I am coming from Ivan’s place’. In addition to meaning ‘I am going to Ivan’s place’, *Otivam u Ivanovi/Otivam do Ivanovi* can also mean ‘I am going to the Ivanovs’ or ‘I am going to the Ivanovs’ house’.

B. Forms in -ovci of the type Ivanovci ‘the Ivanovs’, Petrovci ‘the Petrovs’

Combining the suffix *-ov-* (seen in words such as *Ivanovi* ‘the home and family of Ivan’, *čičovi* ‘my uncle’s place’) with the suffix *-ъс*, creates not only the plural forms of nouns like *Ivan*, *čičo* ‘uncle’, *dyado* ‘grandpa’ (*Ivanovci* ‘several people named Ivan’, *čičovci* ‘uncles’, *dyadovci* ‘grandpas’), but also collective family nouns with the suffix *-ovci*: *Ivanovci* ‘Ivan’s family members’, *Petrovci* ‘Petâr’s family members’, and so on. The names of many Balkan villages are derived from kinship names of this type: *Vâglevci*, *Velkovci*, *Todyuvci*, *Petkovci*, etc. Thus, we have examples such as the following:

– *Otivam u/vâv/na Todyuvci* ‘I am going to Todyuvci’;

– *Otivam u/vâv/na Petkovci* ‘I am going to Petkovci’.

These would first have had the meaning ‘I’m going to Todyu’s family [family’s place] or to Petko’s family [family’s place]’, and would later be reconceived as ‘I’m going to the village of Todyuvci’ or ‘... to the village of Petkovci’.

As will be seen below, collective family names ending in *-ovci* can be expanded with locative or dative plural endings (*Ivanovci* → *Ivanovceh/Ivanovcem* ‘the Ivanovs’).

C. Forms in -ce(h) of the type Ivanovce(h) ‘the Ivanovs’, čičovce(h) ‘my uncle’s place’, lélince(h) ‘my aunt’s place’

In the Smolyan region, the plural form of *vuyko* ‘maternal uncle’ is *vuykove* ‘maternal uncles’ (*Iman dvamina vuykove* ‘I have two uncles’), while for ‘the home and family of my maternal uncle’, *vuykovcêh* ‘my uncle’s place’ is used (this form is also based on the aforementioned expanded *-ovъс*, as in *vuykovci*, but with the addition of the plural locative ending *-êh*). Usage of such locative-derived plural forms is often encountered in this region; the following examples are from the village of Momčilovci, in the Smolyan region (Kabasanov 1956: 39):

– *Vôrvem nah vuykovcêh* ‘I’m going towards my maternal uncles’s place’;

– *Ot vuykovcêh ima písma* ‘We received a letter from my maternal uncle’s family’;

– *S Mitrovcêh sme rodnina* ‘we are related to the Mitrovci’;

– *Flêznaħa u Pétrovcêh* ‘they entered the Petrovs’ house’, etc.

Collective family nouns derived from feminine names are formed in the same way: *písma ot lélincêh* ‘a letter from my aunt’s family’, *písma ot bábincêh* ‘a letter from my grandmother’s family’ (personal data).

By comparison, in other parts of the Eastern Rhodope mountains, neighbourhoods in which a number of related families traditionally live are named in the same way as in Momčilovci—from the old plural locative forms ending in *-ceh*, often with the final *-h* being lost: *Brahâmčinovceh*, *Šehrince*, *Engeróvce* in the Madan region (Hristov 1964: 112) or *Kičúkâcce*, *Tučícce*, *Górniccé* in Lozengradci, in the Kirkovo region (Iliev, Georgieva 2015: 235).

The usage of the collective locative plural form for names is attested as early as the 14th century, in medieval Bulgarian written records such as the *Troyan Chronicle*:

- *ženō koa e nailēpa vь vsēh' grъcēh* '... woman (accusative) who is the prettiest in Greece/among the Greeks' (SPHKM 1988: 246), alongside the accusative case form;
- *i otide vь grъky* '... and he went to Greece/to the Greeks' (ibid, 246).

Similar to other nouns, the collective family noun can also be replaced by pronouns, which are also derived from old locative forms: *Otivam do tjah* 'I am going to their place' (that is, *do vuykovceh* 'to my maternal uncle's family's place'); *Te idvat u nas* 'They are coming to our place' (that is, *u lelinceh si* 'to their aunt's family's place'), and so on.

D. Forms in – (c)em of the type *Ivanov(c)em* 'Ivan's place, the Ivanovs', *Ivankinem* 'Ivanka's place', *čičov(c)em* 'my uncle's place', *lelin(c)em* 'my aunt's place'

Forms of this type, originating in the dative plural forms, are shown in Miletič for the Bulgarian village Pančarevo (near Burgas) and for some Haskovo villages (Miletič 1937: 21-22). For example: *Grudovcim* 'the Grudevcs' (*Grudovcim kâštata* 'the Grudevcs' house'), *Ivanovem* 'the Ivanovs' place', *Ivankinim* (← *Ivankinem*) 'Ivanka's place', *tâtkovem* 'my father's family' (*tâtkovem kôn'ât* 'my father's family's horse'), *mâyčinem* 'my mother's family' (*zimâh mâyčinem hûrkata* 'I took my mother's family's distaff') and others – the last example is found in both places.

The presence of forms of this type in the Bulgarian Devesil dialect of the Eastern Rhodopes were found in the villages of Devesilovo, Devesilica, Golyam Devesil, and Malâk Devesil, all in the Krumovgrad district, has been reported by Ruža Marinska (Marinska 1991: 179-180; Marinska 2005: 136-137). She lists several such examples:

- *Odi čak na Antônôvem* 'I went all the way to the Antonovs' place';
- *Dônes af Zóevem* 'Bring (it) to Zoya's place';
- *Lèjkôvem tâm ôd'ot na pôčifko* 'The Lenkovs vacation there';
- *Asénôvem gâl'ot góste* 'The Asenovs love guests';
- *Râtkinem si tûkot* 'Radka's family are here';
- *Dâ kâže Ôgnénôvem da pûstot ôfcete* '(let him or her) tell the Ognjanov family to let out the sheep'.

In addition, the names of the neighbourhoods in the Devesil region also demonstrate forms of this type (Marinska 1991: 179): *Bekérovem* 'the Bekyarov neighborhood', *Dâlôvem* 'the Dalov neighborhood', *Defârôvem* 'the Džefarov neighborhood', *Paškûlevem* 'the Paškulev neighborhood', etc.

Due to the fact that in the Eastern Rhodope dialects the plural forms of personal pronouns use dative forms *nâm(i)* 'us', *vâm(i)* 'you (plural)', *t'âm(i)* 'them' instead of the accusative-locative forms *nás* 'us', *vás* 'you (plural)', *t'áh* 'them', by the same logic they also say: *av vâmi* 'at your place', *u t'âm* 'at their place', etc. (Iliev 2017: 8).

2. On the origin of forms in -ovi and -ini

The collective family names were described above, and the ones with the least clear origin have endings -ovi and -ini (it is clear that *Ivanovci* originates from old nominative or accusative forms, *Ivanovceh* – from old plural locative plurals, and *Ivanovcem* – from old dative plurals).

The forms *Ivanovi*, *Petrovi*, *čičovi*, *dyadovi* with the element -ov- probably stems from the dative singular form of some Old Bulgarian nouns: *idō (kъ) Petrovi* 'I am going to Peter' (with or without a preposition), along with *idō (kъ) Petru*. However, in addition to its function indicating direction through expression as the dative singular form, it can form the part of the plural ending (as in *sinove* 'sons'), and show possession in possessive family nouns, such as *Ivanov (dom)* 'Ivan's house', *Petrov (dom)* 'Peter's house', *čičov (dom)* 'uncle's house', and so on. This polysemy is a main reason for the ambiguity in determining the origins of this type of noun. In RBE (RBE 1977: 441) it is explained that, alongside 'the home and family of the father', *baštini* can also mean 'relatives on the father's side or the people who work for someone's father':

- *niya sme, Doayne le, se baštini, se baštini, Doayne le, yuvčeri ...*, *se govedari* '... we are, o Doyna, all your father's [workers], all your father's [workers], shepherds ..., all cowherds.

The affiliation is shown also through combinations of the type *baštino dvore/baštini dvori* 'father's house' (literally – 'father's yard'), which may lead us to believe that all the lexemes listed were made up the word combinations at an earlier stage and contained the component *dvor* 'yard':

- *černata čuma spoletya gi v baštino dvore* '... the black plague came upon them in their father's yard' (RBE 1981: 604).

However, if we keep in mind, some phenomena from the historical development of Bulgarian

and other Slavic languages, our initial impression of the presence of possessive forms in the instances listed might be set aside for the more substantiated proposal that this is simply a case of preservation of the old dative (directive) forms of the masculine singular noun containing the element *-ov*. It is known that among old *u*-stem nouns (*synъ* ‘son’, *domъ* ‘home’), the dative ending of singular nouns was *-ovi* (*synovi* ‘to the son’, *domovi* ‘to the home’). From these *u*-stem nouns, the *-ov-* component spread to *o*-stem dative singular forms as well (*bogъ* ‘God’, *Adamъ* ‘Adam’), in the case of names of people and personified nouns, and in this way doublet forms arose: *Adamu* – *Adamovi* ‘to Adam’, *bogu* – *bogovi* ‘to God’, etc. (Georgiev 1991: 140; Haralampiev 1992: 111). This process is also observed in other Slavic languages, for example from Polish:

– *Babcia podsunęła Markowi zabawkę* ‘Grandma offered Marc a toy’ (Janecki 2000).

Or Czech:

– *Psala jsem Martinovi dopis* ‘I wrote a letter to Martin’ (Naughton 2004: 124);

– *Půjdu k doktorovi* ‘I’ll go to the doctor’ (ČAM 2007: 86).

And as the so-called dative case serves to express direction as well, it is logical that a sentence of the type ‘I am going to Peter’ in Old Bulgarian was expressed with *idō* (*къ*) *Petru/Petrovi*. Compare this with:

– *I šedšī domovi obrēte otrokovicō* ‘on his way home he found the girl’ Mk. 7. 30 *Codex Marianus* (Yagič 1960). Or with the Middle Bulgarian *German’s Miscelany* (Mirčeva 2006):

– *vъzvraštaahō sę domovi* ‘they were going home’ – folio 27 б;

– *idēm bo domovi* ‘so, let us go home’ – folio 77 б.

Thus, once the original meaning in Old Bulgarian of *otivam pri dyado* (*čičo*) ‘I’m going to the home of my grandfather (uncle)’ could easily be expressed with the dative form, with or without a preposition, **idō* (*къ*) *dēdovi/čičevi/čičovi*, as well as with the aforementioned use of the preposition *vъ* with the accusative form (*otide vъ grъky* ‘he or she went to the Greeks’), preserved in the modern *Otivam u Ivanovcite* ‘I am going to the Ivanovs’, then at a later stage of Bulgarian language development, when the synthetic manner of expressing syntactic relationships between words gave way to the analytic, the morpheme *-ov* began to be perceived only as a marker for possession (*čičov kon* ‘my uncle’s horse’, *dyadova kăšta* ‘my grandfather’s house’). At the same time, the prepositions *v(ăv)*, *u*, *na*, *do* (and its dialect form *nah*) had already replaced the old preposition *къ* for expressing direction (*idō dēdovi/idō къ dēdovi* → *idō v/u/do dēdovi*), and the forms *dyadovi*, etc., began to be understood as possessive adjectives. By analogy, older expressions of the type **idō babi/leli* ‘I’m going to my grandmother’s/aunt’s’ were replaced by phrases with this expanded possessive suffix *-in* for female names (*otivam u babini/lelini* ‘I’m going to my grandmother’s/aunt’s’).

Plural dative forms of the type *Ivanov(c) em* were formed through analogy with the older form **idō* (*къ*) *Ivanovcēm* ‘I’m going to the Ivanovs’. After the difference between the locative of position, on the one hand, and the dative or accusative of motion, on the other, had been lost, it was then possible in the expression of direction to use the old plural locative form as well: **idō* (*къ/vъ/do*) *Ivanovcēhъ* → *Otivam u Ivanovceh* ‘I am going to the Ivanovs’.

ABBREVIATIONS

BNT – Bălgarsko narodno tvorčestvo (Bulgarian folklore)

ČAM – Česko-anglicky mluvnik

RBE – Rečnik Na bălgarskiya ezik (Dictionary of the Bulgarian Language)

SBPHKM – Srednebolgarskiy perevod Hroniki Konstantina Manassii (The Middle Bulgarian translation of the Chronicle of Constantine Manasses)

REFERENCES

1. BNT 1961: Българско народно творчество. Том първи. Юнашки песни. София.
2. ČAM 2007: Česko-anglicky mluvnik. Lingea. Praha.
3. Georgiev 1991: Георгиев, Вл. Склонение на съществителните имена. In: Граматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1991.
4. Haralampiev 1992: Харалампиев, Ив. История на българския език. Велико Търново, 1992.
5. Hristov 1964: Христов, Г. Местните имена в Маданско. Издателство на БАН. София, 1964.
6. Janecki 2000: Janecki, K. 301 Polish Verbs. 2000. New York.
7. Илев, Georgieva 2017: Илиев, Ив., М. Георгиева. Говорът на село Лозенградци от Източните Родопи – синтактични и лексикални особености. In: Славистиката и българистиката днес – въпроси, идеи, посоки. Сборник с доклади от международната конференция по повод 20-годишнината от създаването на специалност „Славянска филология”. Благоевград. 16-18. 10. 2014 г. УИ „Н. Рилски”. Благоевград, 2015.
8. Kabasanov 1956: Кабасанов, Ст. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. В: Известия на Института за български език, 4, 1956.

9. Marinska 1991: Маринска, Р. Девесилският говор. Фонетика и морфология. (Dissertation). ИБЕ към БАН. София, 1991.
10. Marinska 2005: Маринска, Р. Падежни форми в девесилския говор. In: Македонски преглед. 3, 2005.
11. Miletič 1937: Милетиč, Л. Няколко синтактични и морфологични особености в българските народни говори. In: Списание на БАН. LVI, 1937.
12. Mirčeva 2006: Мирчева, Е. Германов сборник от 1358/1359 г. Изследване и издаване на текста. София. 2006.
13. Naughton 2004: Naughton, J. Colloquial Czech. The Complete Course for Beginners. 2004. London & New York.
14. Poltoradneva 1953: Полтораднева, Э. Заметки о языке болгарского села Кирсова Комратского района МССР. In: Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. 3, 1953. Издательство АН СССР. Москва. 1953.
15. Popivanov 1930: Попиванов, Г. Орханийският говор. В: Сборник за народни умотворения и наука. 38. 1930. Sofia.
16. Popivanov 1950: Попиванов, Г. Говорът в Южна Добруджа. In: Списание на БАН. 71. Клон историко-филологичен. 34, 1950.
17. RBE: Речник на българския език. Т. 1. София. 1977; Т. 2. София. 1979; Т. 3. София. 1981.
18. SVPHKM 1988: Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София. 1988.
19. Yačić 1960: Ягич, В. Мариинское четвероевангелие. Грац, 1960.

Материал поступил в редакцию 01.12.17.

К ВОПРОСУ О СОБИРАТЕЛЬНЫХ РОДОВЫХ ИМЕНАХ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

И.Г. Илиев, доктор филологических наук, доцент
Пловдивский университет, Филиал Кырджали, Болгария

Аннотация. В данной статье рассматриваются несколько видов собирательных существительных в болгарском языке и его диалектах, которые образуются с помощью морфем *-ovi/-ini*, *-ovsi*, *-ovseh*, *-ovset*: *Ivanovi/Ivanikini*, *Ivanovsi*, *Ivanovseh*, и *Ivanovset*. Все они означают "дом и семья Ивана" (кроме *Ivanikini* – "дом и семья Иванки") и представляют собой различные вариации одной и той же фамилии. Происхождение первой фамилии в списке (*Ivanovi* и др.) наиболее трудно объяснить, но во второй части статьи автор предлагает вариант происхождения от архаичных форм мужского рода дательного падежа единственного числа, совпадающих с формами притяжательных прилагательных.

Ключевые слова: собирательные существительные, фамилии, дательный падеж, местный падеж (локатив).

УДК 80

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И ПОНЯТИЕ АРХИФОНЕМЫ

Е.И. Гасимова, преподаватель
 Кафедра латинского языка,
 Азербайджанский Медицинский Университет (Баку), Азербайджан

***Аннотация.** В данной статье речь идёт о теории фонологической оппозиции, разработанной Н.С. Трубецким в его фундаментальной работе „Grundzüge der Phonologie“ и опубликованной в 1938 на немецком языке. Он разработал теорию типологии фонологических оппозиций. В одной из них говорится о нейтрализации фонологических оппозиций.*

***Ключевые слова:** фонологическая оппозиция, архифонема, нейтрализация.*

В типологическом учении фонологических оппозиций Н.С. Трубецкого важное место занимает понятие функциональной стабильности оппозиций, согласно которому они подразделяются на постоянные и нейтрализуемые противопоставления фонем¹. Постоянные оппозиции те оппозиции, члены которых сохраняют свою функциональную противопоставленность во всех позициях. Например, в немецком языке оппозиция между /p/-/t/ сохраняет свою силу во всех случаях их употребления. В отличие от этой, оппозиции между /p/-/b/ или /t/-/d/ не могут сохранить свою функциональную силу². В первом случае речь идет о стабильных противопоставлениях, а во втором случае мы сталкиваемся с нейтрализуемой оппозицией. Так как это является очень серьезной проблемой, хотелось бы более подробно остановиться на ней. Нейтрализация, по Н.С. Трубецкому происходит тогда, когда один из членов оппозиций теряет свой релевантный признак. Например, во французском языке акустико-артикуляторные сходства между /e/ и /E/ не менее значимыми, чем между /i/ и /e/. Тем не менее оппозиция между вторыми остается стабильной, тогда как оппозиция между первыми нейтрализуется. Разница между /e/ и /E/ связана с ударной позицией. В безударной позиции они практически не различаются. Поэтому они выступают как представители архифонемы. “Таким образом, когда мы говорим об **архифонеме**, мы имеем в виду совокупность дифференциальных признаков, общих для обоих членов оппозиции”³. Значит, у названных выше гласных единственная разница в том, что они отличаются закрытостью и открытостью, которая нейтрализуется в безударной позиции. Следует отметить, что к нейтрализуемым оппозициям относятся только одномерные оппозиции. Итак, если одномерная оппозиция в немецком языке /t/-/d/ нейтрализуется в конце слов, это значит, что в этой позиции они не звонкие и не глухие. Они переднеязычные, смычно-взрывные и носовые согласные. Единственный признак, который различает их в системе языка, является звонкость-глухость, который нейтрализуется в конце слов. В отличие от этого общие признаки оппозиций /d/-/b/ и /p/-/t/ никогда не нейтрализуется. В словах /Blat/ (листок) и /glat/ (гладкий) начальные согласные /b/ и /g/ являются звонкими, но в них нет архифонемы, хотя оба они являются звонкими. Поэтому относительно их нельзя говорить о нейтрализации.

В английском языке оппозиции /b/-/p/, /z/-/s/, /g/-/k/, /d/-/t/, /v/-/f/, /ð/-/th/ являются одномерными, потому и их называют нейтрализуемыми оппозициями. С левой стороны этих оппозиций расположены звонкие согласные, а с правой стороны – глухие. В австрийском варианте немецкого языка и в азербайджанском языке выступают полусильные и полуслабые члены оппозиций. В этих языках архифонема представлена средним членом (Mittelding)⁴.

Этот средний звук не совпадает ни с одним членом оппозиции, т.е. нельзя его идентифицировать не с каким из них. Но в отличие от этого может быть такой случай, когда выбор архифонемы может быть обусловлен внешним фактором. В немецком и английском языках такой факт не имеет место. В них выбор того или иного члена не зависит от позиции. Здесь член в нейтрализуемой позиции

выступает как немаркированный член фонологической системы. В нейтрализации гласных выгодной представляется градуальная оппозиция. Например, в азербайджанском языке, где /i/-/e/ образует ступенчатую оппозицию, имеется еще и гласная фонема /ə/. Здесь архифонемой выступает крайний член противопоставления. В немецком языке в начале слов перед согласными оппозиция /s/-/ʃ/ нейтрализуется. В этом языке в начале слов архифонема представлена фонемой /ʃ/, в середине и в конце слов – фонемой /s/. При этом здесь речь не идет о внутреннем и внешнем факторе. Просто оппозиция здесь не одномерная, а эквиополентная. В отличие от этого, оппозиция в немецком языке /z/-/s/ нейтрализуется, причем в конце слов и морфем в качестве представителя архифонемы выступает фонема /s/. В начале слов реализуется /z/. Если исходить в немецком языке из наличия 40 фонем, то из них в ауслауте реализуются следующие фонемы:

/p/, /t/, /k/, /f/, /m/, /n/, /ŋ/,
/s/, /ʃ/, /l/, /c/, /x/, /pf/, /ts/,
/tʃ/, /R/
/a:/, /o:/, /u:/, /ö:/, /y:/, /i:/, /e:/,
/ae/, /ao/, /o/

В анлауте же реализуются следующие фонемы:

/a:/, /a/, /o:/, /ɔ/, /e:/, /E/, /u:/, /v/,
/ö:/, /oe/, /y:/, /Y/, /i:/, /ɪ/,
/ae/, /ao/, /o/ ,
/p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/,
/f/, /v/, /m/, /n/, /ŋ/, /s/,
/z/, /ʃ/, /l/, /c/, /x/, /R/, /h/,
/pf/, /ts/, /tʃ/⁵

Архифонема считается носителем признаков, присущих обоим членам оппозиции. По теории нейтрализации, невозможно определить, является ли согласный в конце слов глухой или звонкой фонемой. Известно то, что в конце слов /zi:p/ (сито), /kint/ (ребенок) и /zi:k/ (победа) согласные глухие, однако они не /p/, не /t/ и не /k/. Там реализованы архифонемы. В связи с этим Л.Р. Зиндер пишет так: “Такое решение вопроса вряд ли приемлемо. Если какая-нибудь звук (а фонема есть всегда звуковая единица) произносится говорящим и воспринимается слушателем, почему нельзя тогда принимать его как фонему?”

В таких случаях нейтрализуемой, т.е. неузнаваемый отдельно произносимый (не раскрываемый контекстом) могут быть омонимичными словами; когда мы слышим /plot/, мы не знаем, о чем идет речь – то ли /plod/ или /plot/, только контекст может раскрыть эту омонимию⁶.

Московская фонологическая школа в общем то же исходит из теории о нейтрализации. Известный представитель этой школы А.А. Реформатский полагает, что фонематичность звука должна быть определена через сильную позицию⁷.

Для гласных такой позицией является их употребление под ударением, а для согласных – позиция перед ударными гласными. В слабой позиции, по мнению москвичей, выступает гиперфонема, т.е. говоря словами Н.С. Трубецкого, архифонема. В приведенных выше словах русского языка /plot/ в множественном числе мы имеем /plodi/, согласный оказывается в сильной позиции. Но в форме /plot/ фонема /t/ выступает как вариант фонемы /d/.

Таким образом, москвичи не отрицают наличие в слове “plod” фонемы /t/, но исходя из морфемного тождества они считают реализацию здесь фонемы /d/. Это означает, что москвичи автономность фонемы не принимают. Автономность звуковой стороны предполагает, что фонема, получившая статус самостоятельности один раз, сохраняет ее и в тех случаях, когда она непосредственно не связана со значением. Учитывая это, Л.Р. Зиндер полным основанием на то пишет, что если хотим сохранить термин нейтрализации, то мы должны использовать его с целью обозначения фонотактических закономерностей. Это значит, что в определенных случаях может быть реализован только один член оппозиции. В русском и немецком языках в ауслауте и инлауте позиция перед глухими согласными является такой позицией для звонких согласных фонем. Таким образом, мы не принимаем теорию о нейтрализации фонологических оппозиций.

Примечания

¹ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. 2-ое изд., М., 2000. С.83.

² Трубецкой Н.С. Основы фонологии. 2-ое изд., М., 2000. С. 83.

³ Указ. соч., С.84.

⁴ Указ. соч., С. 84.

⁵ Не все германисты согласны с наличием в немецком языке 40 фонем. Но мы придерживаемся концепции ленинградских (С. Петербургских) фонологов. См.: Зиндер Л.Р. Теоретическая фонетика современного немецкого языка. Academia, 2003; Veysälli F. Einführung in die Phonologie. Süddeutscher Verlag der Hochschulschriften. 2017. Поэтому логично, что данные у разных авторов относительно встречаемости фонем не совпадают.

⁶ Зиндер Л.Р. Теоретическая фонетика современного немецкого языка. Academia, 2003, С. 52.

⁷ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 2001, С. 211.

Материал поступил в редакцию 08.12.17.

NETRALIZATION AND CONCEPT OF ARCHIPHONEME

Y.I. Qasymova, Lecturer
Department of the Latin Language
Azerbaijan Medical University (Baku), Azerbaijan

Abstract. *This article deals with the theory of phonological oppositions developed by N.S. Trubetzkoy in his fundamental work „Grundzüge der Phonologie“ published in 1938 in German language. He developed the theory of typology of phonological oppositions. One of them is the idea about neutralisation of phonological oppositions.*

Keywords: *phonological oppositions, archiphoneme, neutralisation.*

════════════ **Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics** ════════════
 ════════════ **Сравнительно-историческое, типологическое**
 и сопоставительное языкознание ════════════

УДК 811.111.373

**О КОНЦЕПТЕ ЛОЖЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА «ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ» – «A WHITE LIE» В ОТРАЖЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

А.И. Лызлов, кандидат филологических наук, доцент
 Смоленский государственный университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена изучению фразеологизмов. Фразеологизмы как предмет исследования объективируют концепт «ложь» – объект исследования. Он способен выражать оценку. Ложь изучается на примере русского фразеологизма «ложь во благо» и его английского эквивалента «a white lie». Объем значения данных единиц изучается на примере произведений современной русской и английской литературы, которые являются материалом исследования. Изученные примеры позволяют говорить о том, что концепт «ложь» играет важную роль в жизни как англоговорящих, так и русскоговорящих людей.*

***Ключевые слова:** английские фразеологизмы, русские фразеологизмы, оценка, концепт.*

Рассматриваемые фразеологические единицы объективируют жизненные ситуации, в которых находит отражение концепт «ложь». Данный концепт имеет аксиологический характер значения. Оценка – то отношение говорящего к сообщаемому [Ивин 2017: 12]. Понятия о добре и зле в рамках фразеологических текстов раскрываются в виде некоей типизированной ситуации, являющейся образной основой для паремии. В этой связи применимо понятие «аксиогенной ситуации» [Карасик 2015: 26], которое разрабатывает Владимир Ильич Карасик.

Н.Д. Арутюнова указывает на неразрывную связь между понятиями оценки и картины мира. Для того, чтобы оценить объект, человек должен рассмотреть его относительно своей системы ценностей. Природа оценки отвечает природе человека. Картина мира, или «идеализированная модель мира», по её мнению, состоит как из макромира, так и из микромира, то есть самого мыслящего субъекта. «В идеализированную модель мира, – говорит она, – входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится, и то, что человек воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в неё целиком и полностью входит и сам человек». [Арутюнова: 5]

В данной статье рассматривается концепт «ложь» как элемент картины мира английского и русского языков. Изучения характера реализации этого концепта в двух языковых традициях осуществляется посредством анализа литературных источников.

Рассматриваемый фразеологизм встречается на страницах художественной литературы уже в середине девятнадцатого века. Н.С. Лесков в 1867 году в своем произведении «Чающие движения воды» пишет:

*Судьи утверждали, что старогородский Робинзон лжет, оттираясь от всякого участия в исчезновении Платониды Андревны, и что он, может быть, и сам прикосновен к покушению на жизнь старика Деева. Не отрицал и народ, что Константин Ионыч лжет, повторяя свое «не знаю, не ведаю», но народ был уверен, что Пизонский лжет ложью негрешною; что его ложь есть **ложь во спасение**. (НКРЯ)*

Максим Горький в своем романе «Жизнь Клима Самгина», который был опубликован в 1925 году, писал:

*Мне пора быть более активным. Если я осторожно начну ощипывать с людей павлиньи перья, это будет очень полезно для них. Да. В каком-то псалме сказано: «**ложь во спасение**». Возможно, но – изредка и – «во спасение», а не для игры друг с другом». (НКРЯ)*

Нерешительный и слабый герой Горького указывает на библейское происхождение описываемой фразы. При этом он считает неприемлемой стратегией манипулирования людьми.

Литература эпохи Крымской войны характеризуется, в первую очередь, Севастопольскими рассказами Л.Н. Толстого. Произведения С.Н. Сергеева-Ценского, написанные накануне второй мировой войны, остаются в тени трудов великого русского писателя. Однако, Ценский весьма точно воспроизводит быт нравы этой эпохи. В произведении «Синопский бой» есть такие строки:

Мелочь!.. Турки боятся выходить из пролива, тем более в такие погоды... А точнее, они хотя и выходят иногда порядочным отрядом, но понюхают, чем пахнет из Севастополя, и уходят, как это мы узнали от австрийцев... А слух о том, что они к Сухум-Кале пошли, мне кажется, заведомо ложный, чтобы только сбить нас с толку и заставить попусту тратить силы. – Может быть, – отозвался Новосильский, так как Корнилов смотрел на него вопросительно. – Может быть, и ложный... На войне ложь во спасение. – Для турок – во спасение, для нас – в ущерб, – возбужденно подхватил Корнилов. (НКРЯ)

В данном отрывке приведен эпизод, когда офицеры спорят об этической стороне войны. Одни считают, что «на войне все средства хороши», другие – нет.

Автор статьи 2002 года, вышедшей в издании «Другой» под названием «Химера по имени правда» размышляет над природой ценности правды и ее антитезы – антиценности лжи:

Психологи условно делят ложь на три типа. Первый – «инструментальная» ложь, когда лжец преследует какую-либо выгодную для себя цель, нанося при этом вред другим. Второй тип – ложь во спасение, которая традиционно приписывается русскому национальному характеру им же, причем род «спасения» не уточняется. Третий тип нейтральная ложь, которая не приносит вреда другим, но дает преимущества лгуну (например, когда ребенок разбивает чашку и сваливает вину на собаку, которую наказывать не будут). (НКРЯ)

Итак, ложь во спасение, по мнению автора, свойственно русскому сознанию.

Галина Щербакова в своем произведении 2002 года «Ах, Маня...» выстраивает свою, оригинальную классификацию лжи. Описывая одного из действующих лиц этого произведения, Егорова автор говорит:

Он был совершенно патологически честным человеком. Он не знал, что есть ложь во спасение и святая ложь, что есть ложь-стратегия, есть ложь-тактика, безбедно существует ложь-умолчание и ложь-информация. (НКРЯ)

Щербакова в своей классификации указывает на наличие эмоциональной составляющей лжи (ложь во спасение и святая ложь), а также интеллектуальной составляющей (ложь-стратегия, ложь-тактика, ложь-умолчание и ложь-информация).

Знаменитый российский писатель-фантаст, Сергей Лукьяненко, в романе 1998 года «Ночной Дозор» пишет:

Хорошо. Хорошо, ты умеешь, а мы – нет. Верь и надейся. Если ты считаешь, что понятие «ложь во спасение» годится лишь для проповедей – верь. Если ты думаешь, что «добро должно быть с кулаками» лишь в старых стихах осмеянного поэта – надейся. (НКРЯ)

Фразеологизм “*a white lie*” является достаточно распространенной единицей в английском дискурсе. Данная фраза используется в ситуации, когда необходимо оправдать ложь во имя благих принципов.

Интересно отметить присутствие данной фразеологической единицы в педагогическом нарративе. Тематика взаимоотношений родителей и детей представлена в отрывке, взятом из журнала *Today's Parent*:

“I think children are able to understand that in certain situations we might tell a white lie when we don't want to hurt someone's feelings, for example.” And then there are the magical lies of childhood like Santa Claus and the tooth fairy. “I don't think there's any harm in going along with those when your kids are little,” says Moreau. PRAISE RATHER THAN PUNISH Studies show that children are more likely to lie when they have been harshly or inconsistently punished. “Try to avoid negative consequences as much as possible,” advises Peskin. (СОСА)

Пескин советует нам быть очень ответственными в отношении таких концептов как истина и ложь. Ложь во благо должна быть инструментом, который будет предотвращать детские моральные травмы.

Вопросы тонкой грани между истиной и ложью относятся, несомненно, к сфере этики. Не случайно этим вопросом заинтересовался религиозный журнал *Christian Century*:

Some motives for telling the truth are simply too destructive to deserve to be clothed in respectability; some expressions of "honesty" are really attempts to demean and belittle another person. When it's the wrong truth, or the wrong person or the wrong time or the wrong way or the wrong reason for telling the truth, a white lie may have more integrity than a facile, insensitive "honesty". But when does a white lie begin to turn a slight shade of gray? When does it cross over and become immoral? Perhaps a good test would be to ask, "Does this lie protect the other person or does it protect me?" Let's admit that it's not easy to tell the difference. (COCA)

Данный отрывок весьма экспрессивен. Автор статьи Дональд Маккулох использует прием анафорического повтора для достижения нужного эмоционального эффекта. Повторяется слово **wrong** – неправильный. Когда ситуация разворачивается неожиданным или неблагоприятным образом, становится «неправильной» можно использовать ложь во благо. Причем, чьи интересы нужно ставить во главу угла: интересы того, кто лжет, или того, кому лгут, остается открытым.

Описываемый фразеологизм используется и в политическом нарративе:

In September 1994, After doggedly repeating a white lie for forty-seven years, the Air Force finally admitted the truth about a mysterious 1947 crash in the New Mexico desert. The debris was not a weather balloon after all but wreckage from Project Mogul, a top-secret high-altitude balloon system for detecting the first Soviet nuclear blasts halfway across the globe. During the half-century interim, flying-saucer buffs and conspiracy theorists had adorned the incident with mythic significance, weaving wisps of evidence and contradictions in the Air Force's account into fantastic theories ... (COCA)

Предлагаемый отрывок описывает давно известную и, пожалуй, порядком надоевшую историю, связанную с разрекламированной в американской прессе ситуацией с падением атмосферного зонда. Который был выдан за космический корабль пришельцев. Американцы называют этот фарс «ложью во спасение» дабы избавиться от возможных претензий в попытках шпионажа на территории восточной Европы. То, что ранее воспринималась как истина, воспринимается нынче как мистификация.

Британская Таймс в своей статье от 21 февраля 2002 года обращается к античной мифологии: *It is often said that a lie can get around the world quicker than the truth can get its shoes on. For Steven McPherson, it was quicker than he could get his clothes on. (ODP)*

Автор, цитируя фразеологизм, в котором ложь и правда, как указывалось выше, предстают в виде антропоморфных существей, допускает неточность. В первоисточнике речь идет об одежде, а не об обуви. Одежда упоминается в статье ниже.

Газета Нью-Йорк Таймс в 2002 году выпустила статью об очень необычной паре. Влюбленные имеют разное происхождение, вероисповедание, жизненный опыт:

Here are things she said he did: Kept secrets carefully. Knew who he was. Believed in God. Gave. And gave. Studied hard. Thought. Took life seriously. Laughed a lot. Laughed at her a lot. Wanted to see people do well. Helped pick up a bleeding, falling-down-drunk man off the street. Told the truth. Thought positively. Studied people. Here are things she said he would never do: Gossip. Waver. Back-stab. Sugar-coat. Tell a white lie. (COCA)

Девушка среди прочих положительных качеств своего возлюбленного отмечает принципиальную невозможность для него следовать тактике, укладывающейся в формулу «ложь во благо».

В 2012 году *San Francisco Chronicle* выпускает статью, посвященную погибшему дискжокею. В ней его друзья вспоминают о нем, превознося его правдивость: *"He was the most honest guy I've ever known," said Clouse. "I don't think he ever even told me a white lie. He stood for everything he did. He believed in the truth." (COCA)*

Рассмотренные фразеологизмы английского и русского языков, посвященные описанию лжи, позволяют говорить о том, что концепт «ложь» является многозначным явлением в картине мира описываемых языков. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов с заявленным концептом позволил выявить полное соответствие национальных картин мира в данном фрагменте. В русской картине мира, отраженной в литературе, можно встретить больше контекстов, порицающих ложь во благо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русск. Культ, 1998. – 895 с.
2. Ивин, А.А. Аксиология: учебник для академического бакалавриата. / А.А. Ивин – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 391 с.
3. Карасик, В.И. Языковое проявление личности. / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2015. – 384 с.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: [Http: // www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)
2. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] – Режим доступа: [Http: //www.corpus.byu.edu/coca](http://www.corpus.byu.edu/coca)

Материал поступил в редакцию 09.01.18.

**ON THE CONCEPT OF LIE IN PHRASEOLOGICAL UNITS
OF RUSSIAN AND ENGLISH "A LIE FOR THE GOOD"
AND "A WHITE LIE" IN REFLECTION OF LITERATURE**

A.I. Lyzlov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Smolensk State University, Russia

***Abstract.** The article is devoted to the study of phraseology. Idioms as a subject of study objectify the concept of "lie" – it is a research object. It is capable to express assessment. Lie is studied on the example of the Russian phraseological unit "a lie for the good" and his English equivalent "a white lie". The volume of these units value is studied on the example of the modern Russian and the English literature works, which are research material. The studied examples allow to say that the concept "lie" plays an important role in life of both English-speaking, and Russian-speaking people.*

***Keywords:** English phraseological units, Russian phraseological units, assessment, concept.*

UDC 80

ENGLISH FOR IT SPECIALISTS – A HANDBOOK FOR IT STUDENTS

V.P. Chantov, PhD, Tutor of English, Head of Applied Linguistics Scientific Section
 Department of Comprehensive Studies,
 University of Library Studies and Information Technologies (Sofia), Bulgaria

***Abstract.** The article presents the handbook ENGLISH for IT specialists. It is a logical extension of the author's doctoral dissertation entitled "A Model for the Development of Students' Foreign Language Competence in an Information Educational Environment". First of all, the author presents the basic idea behind the notion of Foreign Language Competence, which at a professional level turns out to be effective communicative foreign language competence. Secondly, the article goes on to present the handbook content emphasizing the two essential components to be found in it: informative (comprising 10 modules that follow the logic of studying Information Sciences at the University of Library Studies and Information Technologies and the courses projected in the curriculum) and English grammar (10 modules of practice and consolidation of what the students have learned in the first 2 years of their studies). A breakdown of basic stages to be followed when teaching English for IT from the Handbook is included: means for the development of foreign language competence in an information and educational environment have been analyzed.*

***Keywords:** foreign language communicative competence, Interactive forms, information and educational environment.*

Foreign Language Communicative Competence

Foreign language competence [6] is seen as *the ability of a person to adequately use the acquired knowledge in the language system (phonetics, grammar, lexis) in their role as means of communication in receptive and productive types of speech activity.*

In the process of foreign language teaching, the problem of forming communicative competence comes first, as this predisposes the presence of basic knowledge of the foreign language (language competencies). From the point of view of the speech activity, components of the communicative competence are the competencies in speaking, reading, writing and listening, which are formed on the basis of lexical and grammar competencies, which are at the heart of language competency. One of the aims of students' foreign language studying is the formation of language communicative competency in a professionally oriented context, assuming that verbal as well as non-verbal components will be acquired. At such an approach, the formation of *foreign language communicative competency in a professionally oriented context* is inseparable from the task of forming communicative competency, i.e. the ability to solve tasks via language means; tasks of communicative character in forms that are relevant to different communication situations in the profession. At the modern stage of development, foreign language learning is part of the communicative one, particularly when it is linked to the professional sphere, thus becoming foreign language communicative learning. Foreign language communicative learning [4], [5] provides the opportunity for the learners to acquire language while they focus their efforts on developing communicative competence. Such learning emphasizes the process of communication – using the language in an appropriate way in different professional situations. Learners do tasks of communicative nature such as solving problems, receiving information and communicating with other people, therefore learning by doing (using the language). The Foreign language competence in a professionally oriented context can be visualized through its behavioral forms listening and reading (passive, receptive skills), speaking and writing (active, productive skills) in language, expressed in 4 competences: discursive, grammar, socio-linguistic and strategic (fig.1)

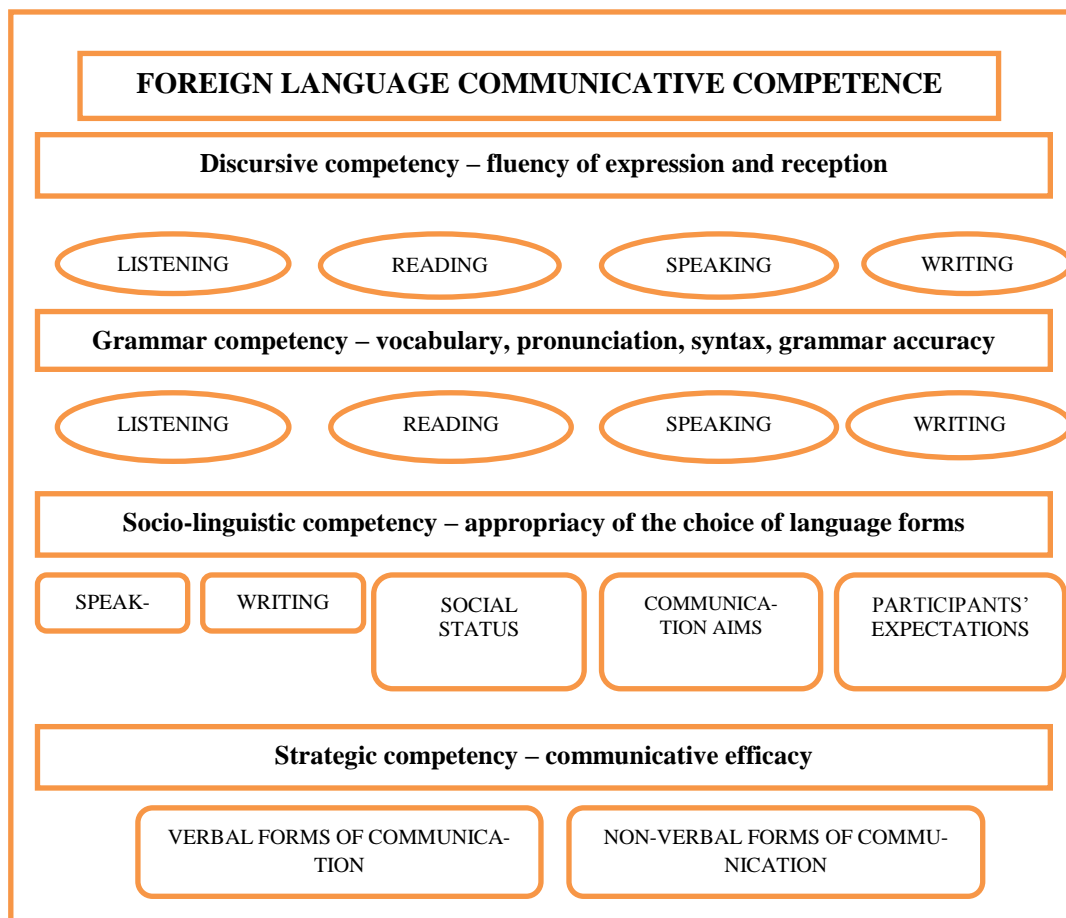

Figure 1. Structure of foreign language communicative competence in a professionally oriented context

Discursive competency refers to the ability of the learner to use language in written or oral expression. It is crucial how well a person manages to combine grammar forms and meaning to find different ways of oral or written expression. This competency often refers to the ‘freedom’ of oral and written expression (fluency). *Grammar competency* refers to the ability to use language correctly, i.e. how well the learner has acquired the grammar rules of the language. This includes lexis, pronunciation, syntax and grammar correctness of the written or oral expression (accuracy). *The socio-linguistic competency* refers to the learner’s ability to use the language correctly in a particular social situation and depends on factors like social status, aims of communication and communication participants’ expectations. The question is how socially acceptable it is to use the foreign language in certain social circles, i.e. how relevant is the choice of one form of language or another in the particular social context of communication (appropriacy). *The Strategic competency* looks at the effective utilization of communication, when the vocabulary of a language learner is insufficient for the given social situation he or she is in. This competency is all about how well verbal and non-verbal forms of communication are used in order to compensate for the lack of knowledge and/or skills in the fields of before-mentioned competencies, i.e. is the learner capable of finding ways to carry out communication where weaknesses appear in the foreign language skills, or in other words how efficient a communicator he or she is. (Communicative efficacy).

Principles of the Handbook on English for IT specialists

Background

The handbook by the same author [8] entitled “A Handbook for Learners of English at A2 Level of the CEFR” is a product of a whole concept for the English language competence of students comprising the first stage of this development – general English – designed for first and second-year students of the non-linguistic universities and higher schools – level A2. Thematically, the handbook follows the units laid out in the Total English Course book by Pearson – Longman and does not represent a complete course but rather

a complementation to the basic book and workbook. The first part of the handbook comprises units 1-6 from the basic Longman course outlined in the curriculum of the 7-semester English course of students in the BA programs of the University of Library Studies and Information Technologies. The first part is designed for the 1st and 2nd semesters of a 4-year curriculum. The second part of the handbook will close the cycle of studying general English with the units 7-12 (3rd and 4th semester) before students embark on studying English for specific purposes. The logic of the handbook's contents to each of the topics in the main course includes 4 basic elements: 1) grammar explanation and easy to remember examples for the use of the grammar unit; 2) a list of unfamiliar words from the unit; the presentation of each word includes: part of speech, transcription, translation of the word into Bulgarian language, a synonym to the word or an explanation in English, an example sentence illustrating the meaning and a translation into Bulgarian of the example sentence; 3) exercises to consolidate the grammar from each unit; 4) key to the exercises and 5) appendices.

English for IT specialists

Unlike the General English Handbook, the English for IT specialists one is part of a completely developed English course for the students in the IT specialties. Best applied in the 5th and 6th semesters (3rd year) of Information Technologies, Information Security and Computer Sciences specialties at the University of Library Studies and Information Technologies in Sofia, Bulgaria, the handbook is designed for 60-80 academic hours of studying in the full-time BA programs. It aims to further develop foreign language communicative competence of students in a professionally oriented context, thus building upon the general English competence skills they have acquired in the first 2 years of their university studies. Regarding organization, each seminar consists of several stages (steps) of progress making in order to achieve foreign language competence at an expert field level [9]: **Stage 1:** diagnosis of the ability to handle the grammar point in the module: students work individually or in pairs in a computer-assisted environment; **Stage 2:** understanding information in a text; **Stage 3:** topical vocabulary practice; **Stage 4:** listening comprehension as an e-exercise for the preparation to use and understand professional vocabulary; **Stage 5:** The Webquest technique [2] – self or group studying online; **Stage 6:** video watching – comprehension of basic ideas, details comprehension, comprehension of professional terminology; **Stage 7:** self-study written work; **Stage 8:** evaluative: e-testing [1] – this is done in order to check the degree of grammar acquisition, the degree of professional terminology acquisition, self-evaluation of performance, reflection on strong and weak areas of students on the topic, mutual assessment.

The following 10 modules have been developed: *Module 1* – The Digital Age. Using Computers. Present Simple and Present Continuous; *Module 2* – The Structure of the Computer. Present Simple Passive. Describing Processes; *Module 3* – Input / Output Devices – Description and Functions. Using Modal verbs of Obligation; *Module 4* – Storage Devices – Comparatives and Superlatives; *Module 5* – Basic Software (OS; GUI; Spreadsheets and Databases) – Ergonomics. Countable and Uncountable nouns; *Module 6* – The Internet and e-mail. Using the Web and Internet Security. Asking Questions. Past Simple; *Module 7* – Graphics and design; Multimedia; Web Design. Conditional Sentences; *Module 8* – Programming. Program Design and Computer Languages. Basic Concepts in Programming. Gerunds and Infinitives – part 1; *Module 9* – Java and Alternatives to Java. Gerunds and Infinitives – part 2; *Module 10* – Networking and New technologies. Using Present Perfect Simple. Each module offers Exercises and Translation practice sections; revision and consolidation of basic grammar and its use in the context of handling IT terminology at B1 level of the CEFR. Apart from that, all topics from the modules refer to courses that students have taken in their full-time IT or Computer Science studies in the Faculty of Information Sciences at The University of Library Studies and Information Technologies such as: Applied Software, Computer Structures, Software Ergonomics, The Internet, Web Design, Databases, Programming, etc.

All modules from the Handbook have been developed following the principle of the interactive form called “Binary Lesson”, where the work of two tutors is combined (the English tutor and the IT course module tutor). This aims to activate the self-study activity of students thus establishing across the curriculum relations. All stages of the seminars intend on interactive forms of communication (between the students and the tutor, as well as among the students themselves).

Conclusion

Interactive methods and forms have been central to the idea behind the use of the Handbook, as it is almost impossible to develop the foreign language communicative competence of future professionals without applying them or without authentic communication and speech activity.

The handbook English for IT Specialists is a complex developed product containing aims and objectives for the development of foreign language communicative competence, media competence and critical thinking (working with the Internet as a media, multimedia materials, video and audio materials, etc.) all in professionally oriented contexts. It also aims to create in students motivation and cognitive interests, ability to work in a team and to cooperate, being creative at the same time. The essence of the suggested model for learning English for IT specialists lies in the moment when future IT specialists form a basis for specializing the meaningful attitude towards the content of basic competences and where specialized professional communicative use of English as a foreign language is required.

REFERENCES

1. Bachman, L.F. Fundamental Considerations in Language Testing. – N. York: Oxford University, 1997. – 408 p.
2. Bailey, E.K. Teaching via the Internet, Communication Education. – 1994, №2, p.184-193
3. Barnett, R. The Limits of Competence: Knowledge. Higher Education and Society. Buckingham. UK: Open University Press, 1994. – P. 179
4. Симеонова, Й. Комуникативен подход в обучението по чужд език. / Й. Симеонова – ДИ „Народна просвета”, 1982
5. Симеонова, Й. Комуникативна методика, Чуждоезиково обучение. / Й. Симеонова – София 1/2008
6. Смирнова Е.А. Пути формирования коммуникативной компетенции в техническом вузе, Гуманитарные науки и образования: опыт проблема перспективы. / Е.А. Смирнова – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева. – 2004. – Часть I. – С. 7.
7. Чантов, В. Английски език за ИТ. / В.Чантов – София, Изд. „За буквите – О писменехъ, 2015. – 103 с.
8. Чантов, В. Помагало по английски език. / В. Чантов – I част. „КоректА 1“ ООД, София, 2017. – 88 с.
9. Чантов, В. Развитие на чуждоезиковата компетентност в информационно-образователна среда. / В.Чантов // Международна научна конференция Унитех, Технически университет, Габрово. – 2017. – С. 206–212.

Материал поступил в редакцию 09.01.18.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИТ – РУКОВОДСТВО ДЛЯ ИТ-СТУДЕНТОВ

В.П. Чантов, доктор наук, преподаватель английского языка,
Руководитель секцией „Прикладная лингвистика“
Департамент общеобразовательных курсов,

Государственный университет библиотековедения и информационных технологий (София), Болгария

***Аннотация.** В статье представлено руководство по английскому языку для ИТ-специалистов. Это логическое продолжение авторской докторской диссертации "Модель развития иноязычной компетентности студентов в информационной образовательной среде" В первую очередь, автор представляет основную идею понятия иноязычной компетентности, которая на профессиональном уровне оказывается эффективной коммуникативной иноязычной компетентностью. Во-вторых, в статье приводится содержание руководства, подчеркивающее два основных компонента: информативный (состоящий из 10 модулей, которые следуют логике изучения информационных наук в Университете библиотековедения и информационных технологий и курсов, предусмотренных в учебной программе) и компонент английской грамматики (10 модулей практики и модуль закрепления того, что студенты узнали в течение первых двух лет обучения). В работе представлено деление на основные этапы обучения английскому языку в руководстве; средства развития иноязычной компетентности в информационно-образовательной среде были проанализированы.*

***Ключевые слова:** иноязычная коммуникативная компетентность, интерактивные формы, информационно-образовательная среда.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 1 (13), январь / 2018

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 16.01.2018 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 21. Свободная цена. Тираж 100.